

Шабкар

ПИЩА БОДХИСАТТВ

Буддийские учения об отказе от мяса

༄༅། །འབས་དཀར་ཚོགས་ཐུག་རང་གོལ་གྱི་
གསུང་འབུམ་ལས་འཁོར་ཉེས་དམིགས་དང་
ལེགས་བཤད་བདུད་རྩི་རྩུབ་
བཞུགས།

བུ་ཀུ་རའི་སྐྱབས་ལུ་མཐུན་ཚོགས་ནས་
སྐྱབས་ལུ་སྐྱབས།

Shabkar Tsogdruk Rangdrol

FOOD OF
BODDHISATTVAS

БУДДИЙСКИЕ УЧЕНИЯ ОБ ОТКАЗЕ ОТ МЯСА

Translated by the
Padmakara Translation Group

Boston & London Shambala 2004

Шабкар Цогдрук Рангдрол

ПИЦЦА БОДХИСАТТВ

БУДДИЙСКИЕ УЧЕНИЯ ОБ ОТКАЗЕ ОТ МЯСА

Перевод
переводческой группы Падмакара

Санкт-Петербург Уддияна 2008

ББК 86.35

Шабкар Цогдрук Рангдрол.

ПИЩА БОДХИСАТТВ. Буддийские учения об отказе от мяса. — Пер. с англ. — СПб.: Уддияна, 2008. — 144 с.

Опираясь на учения Будды, Шабкар, знаменитый тибетский учитель и мастер медитации XVIII–XIX вв., аргументированно и страстно отстаивает принцип воздержания от употребления в пищу мяса как неотъемлемый аспект буддизма Махаяны. Способствующая развитию глубокого сострадания ко всем живым существам, книга послужит источником вдохновения для вегетарианцев, независимо от религиозной принадлежности.

Перевод с тибетского: Padmakara Translation Group

Перевод с английского: К. Петрова

Редакция: А. Кулик, К. Шилов

Публикуется на основании договора с Padmakara Translation Group. Все права защищены. Полное или частичное воспроизведение текста возможно только с разрешения издателя.

ISBN 978-5-94121-038-1

© Padmakara Translation Group, 2004

© Культурный центр «Уддияна», перевод, редакция, оформление, 2008.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
ВВЕДЕНИЕ ПЕРЕВОДЧИКОВ	8
Автор	12
Хинаяна и принцип тройственной чистоты	25
Мясоедение и Махаяна	28
Мясо в Мантраяне	36
Заключение	44
ИЗЪЯНЫ УПОТРЕБЛЕНИЯ МЯСА	49
Заключительный стих	92
НЕКТАР БЕССМЕРТИЯ	96
Примечания	121
Глоссарий	129
Библиография	139

Переводческая группа «Падмакара» выражает
благодарность фонду «Цадра» за щедрую спонсорскую
поддержку перевода и подготовки этой книги.

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЭМА ВАНГЯЛА

Я очень рад, что переводческая группа «Падмакара» перевела эти чудесные тексты. Лама Шабкар обращал внимание на тот факт, что животные, насекомые и даже моллюски являются живыми существами, и, так как все они лелеют жизнь и обладают чувствами, то заслуживают такого же уважения, как и люди.

Если мы, буддисты, — особенно если мы считаем себя идущими по пути Махаяны, — хотим жить в соответствии с учениями Будды, то, как вновь и вновь говорится в этих текстах, мы определенно должны избегать как прямого, так и косвенного нанесения вреда существам. Это значит, что мы не должны ни сами убивать их или мучить, ни побуждать к этому других.

Когда мы вступаем на путь Дхармы, то принимаем прибежище в Трех Драгоценностях, призывая в свидетели будд и бодхисаттв. Вслед за наставником мы произносим: «Принимая прибежище в Дхарме, я даю обет не причинять вреда ни единому существу». Трудно притворяться, будто мы не знаем, что сказали это, или же думать, что столь предельно ясные слова можно интерпретировать как-то иначе.

Итак, я желаю, чтобы все мы смогли развить любовь и сострадание ко всем существам, относясь к каждому из них так, будто это наши собственные дорогие дети.

ВВЕДЕНИЕ ПЕРЕВОДЧИКОВ

Люди, мало знающие о буддизме, но более или менее знакомые с его учениями о ненасилии и сострадании, часто предполагают, что буддисты — вегетарианцы. С удивлением и даже некоторым разочарованием они обнаруживают, что в действительности многие (хотя отнюдь не все) буддисты, как восточные, так и западные, едят мясо. В целом, помимо множества личных и социальных факторов, влияющих на поведение каждого конкретного человека, отношение буддистов к употреблению мяса было обусловлено историческими и культурными факторами, так что в разных странах оно получилось разным. Например, в своем традиционном окружении китайские и вьетнамские буддисты Махаяны, как правило, являются строгими вегетарианцами. С другой стороны, для японцев и почти для всех тибетцев нет ничего необычного в употреблении мяса. А по мере того, как буддизм распространяется в Европе, Америке и других странах, новым ученикам кажется естественным перенимать взгляды и практики, характерные для той традиции, которой они следуют.

Тибет — единственная азиатская страна, куда был передан весь спектр буддийских учений из Индии, и с восьмого века до наших дней тибетцы были глубочайшим образом преданы учениям Махаяны, как уровня Сутры, так и Тантры, — они

изучали, размышляли, воплощали в живой опыт эти учения мудрости и вселенского сострадания. Более того, широко известно, что эти учения и порожденные ими взгляды сильно повлияли на отношение массы простых тибетцев к природе. Европейцы, посещавшие Тибет и Гималайский регион до китайского вторжения, часто бывали ошеломлены разнообразием и спокойствием диких животных, которые перестали бояться людей, так как охотой в этой стране занимались редко, и она всеми осуждалась. Тем не менее, остается фактом, что тибетцы всегда были и по-прежнему являются большими мясоедами. Так происходит в основном из-за климатических и географических условий, ведь большая часть страны находится на такой высоте, где земледелие невозможно.

Эта старинная привычка, конечно, породила глубоко укоренившееся пристрастие к мясу, и многие тибетцы, живущие сегодня в других частях мира, несмотря на свои религиозные убеждения, не поменяли рацион. Само по себе это не удивительно. Всем трудно расстаться с привычкой, которой придерживался всю жизнь, и первый порыв эмигрантов и путешественников во всем мире — пытаться привозить или доставать привычную пищу. В любом случае, как и остальному человечеству, многим тибетцам просто-напросто нравится мясо — они наслаждаются его вкусом. Само по себе это вполне нормальное явление, однако ежедневная махаянская практика тибетцев, как в самом Тибете, так и в изгнании, подразумевающая постоянную медитацию о сострадании и обет бодхисаттвы освободить всех существ от страданий, неизбежно входит в противоречие с употреблением мяса в пищу.

Как правило, тибетские буддисты, даже убежденные мясоеды, не остаются к этому безразличными. Многие открыто признают, что употребление еды, неразрывно связанной с намеренным убийством животных, далеко от идеала и неприемлемо для практикующего буддиста. Многие тибетцы стараются воздерживаться от мяса по священным дням и в особые,

священные месяцы. Многие из них восхищаются вегетарианством; и трудно найти тибетских лам, которые не хвалили бы вегетарианство и не выступали бы за него, даже если сами по каким-либо причинам употребляют мясо.

Среди тибетцев, живущих в изгнании в Индии и Непале — странах, где доступно альтернативное питание и употребление мяса в пищу не так глубоко укоренилось в культуре, кажется, происходят медленные изменения обычаев, особенно это касается молодого поколения¹. В большом количестве монастырей, в том числе в дацане Намгял, монастыре Его Святейшества Далай-ламы, на кухнях более не позволено готовить мясо; и, хотя обитатели монастырей делают выбор самостоятельно, есть небольшая, но постоянно растущая группа монахов и монахинь, которые совершенно отказались от мяса.

У западных практикующих ситуация совершенно другая. В отличие от тибетцев, мы живем на территориях, где легко доступна самая разнообразная здоровая растительная пища. Тем не менее, наши религиозные и этические традиции разрешают и поощряют употребление мяса. Нашему обществу недостает сострадательного отношения к жизни животных, присущего буддийскому мировоззрению, которым пропитаны тибетцы, несмотря на их кулинарные традиции. Человечное отношение к домашним животным в современном мире в значительной степени продиктовано сентиментальностью и ограничено финансовыми соображениями: оно не основано на понимании того, что животные — живые существа, наделенные умом и чувствами, чье несчастливое положение в сансаре, по сути, не отличается от нашего собственного. В любом случае, для многих западных людей, всю жизнь с удовольствием употреблявших мясо, а теперь ставших буддистами, острота задаваемого буддизмом вообще и Махаяной в частности вопроса об употреблении мяса смягчается тем фактом, что, по приведенным выше причинам, тибетцы редко могут предоставить более чем теоретическое (хотя и искреннее) руководство в этом вопросе.

Ситуация еще более запуталась из-за привнесения на Запад некоторых «традиционных» воззрений, используемых для того, чтобы смотреть на употребление мяса буддистами сквозь пальцы. Западные буддисты, которые не могут или не желают обдумать для себя новый образ жизни, часто перенимают эти воззрения — пожалуй, слишком быстро и некритично. Такова, например, концепция тройственной чистоты, идея, что животные обретают связь с Дхармой (и таким образом получают благо), когда их мясо едят практикующие, и различные другие понятия, являющиеся результатом неправильного прочтения тантр. Как доказывает Шабкар, эти аргументы либо ложны, либо только наполовину истинны и требуют внимательного и честного истолкования. В лучшем случае в их защиту можно сказать, что это очень понятные, очень человеческие попытки успокоить совесть, высказываемые без веских оснований, в примирительном ключе, когда воздержание от мяса кажется слишком сложным. В обычных обстоятельствах, применительно к обычным людям, безусловно, было бы ошибкой относиться к ним как к веским аргументам.

В любом случае, важно помнить, что в Тибете существует и всегда существовала другая точка зрения. Она присутствовала с самых ранних дней существования буддизма в этой стране. Ее очередное мощное подтверждение прозвучало в учении Атиши и последователей кадампы, она поддерживалась несколькими героическими личностями в каждом последующем поколении. Как показывают тексты, переведенные в этой книге, Шабкар был представителем этой славной компании бодхисаттв — практиков сутры и тантры, чья любовь к другим существам и осознание их страданий были такими, что привели к отказу от мяса ценой больших лишений в трудных, жестких окружающих условиях. Обсуждая упомянутые темы, Шабкар поднимает глубокие вопросы, связанные с разными аспектами учения Будды уровней пратимокши, Махаяны, Ваджраяны. Как сострадательный, но

проницательный наблюдатель за родом человеческим, он завораживает читателя, проливая свет на общество и религию своего времени.

АВТОР

Шабкар Цогдрук Рангдрол² (1781–1851) оставил многочисленные тома произведений³; в двух томах содержится его подробная автобиография, одна из самых популярных и вдохновляющих в тибетской литературе. В ней, среди множества стихов и песен, он подробно описывает духовный путь, начавшийся с первых вспышек отречения в раннем детстве и достигший кульминации, высшего достижения⁴. Почти всю жизнь он провел в уединении или же странствовал по многим священным местам Тибета и Гималайского региона — от Амдо и границы с Монголией на севере, где он родился, до великой горной цепи Амnye Мачен, отсюда в центральные провинции У и Цанг, в ущелья Цари, и к Кайлашу, священной горе на западе, потом — на юг, в долину Катманду в Непале. Будучи человеком крайне свободолюбивым, он всю жизнь держался в отдалении от общества. Большую часть времени Шабкар проводил в уединении, высоко в горах. Если кто и посещал его там, то только ближайшие ученики, наделенные желанием и способностями разделять лишения, присущие такому месту обитания, которые могли наслаждаться абсолютной свободой, проистекающей из полного отказа от мирских забот. Социальные и духовные обычаи и условности не затрагивали Шабкара, и, хотя он был полностью посвященным монахом, он никогда не был близко связан ни с одним из крупных монастырей. Тем не менее, он посещал и одарял их при любой возможности, и иногда проявлял при этом впечатляющую щедрость. Любя монашескую дисциплину, он одновременно был погружен в йогическую практику Тайной Мантры и, вероятно, являл из себя весьма экстравагантное зрелище, когда во время частых паломни-

честв появлялся в заплатанной монашеской юбке, в белой шали и с длинными волосами йогина.

Необычный наряд Шабкара был точным отражением его личностных качеств и духовных устремлений. Будучи монахом и йогиним, в своей практике он объединял три колесницы тибетского буддизма — путь монашеского отречения Хинаяны, путь вселенского сострадания Махаяны и йогический путь Тайной Мантры — и применял их в соответствии с постепенным путем, который близко связан с традицией кадампа. Хотя ко времени Шабкара кадампа уже не существовала как самостоятельная линия передачи, ее учение Ламрим, или Этапы Пути, оказало глубокое влияние на все четыре школы тибетского буддизма и послужило вдохновением для написания великих, основополагающих сочинений, которые играли и продолжают играть ведущую роль в духовной жизни тибетцев вплоть до настоящего времени: «Отдохновение ума» Гялва Лонгченпы, «Драгоценное украшение освобождения» Дже Гампопы, «Сокровищница драгоценных качеств» Видьядхары Джигмэ Лингпы и, конечно, «Великое руководство к этапам пути» самого Дже Цонкапы. Внешнее поведение Шабкара было отмечено, в соответствии с наставлениями Атиши, чистой дисциплиной полностью посвященного монаха; на внутреннем уровне он всю жизнь был сторонником и практиком лочжонга, учений о воспитании ума, сосредоточивающихся на относительной и абсолютной бодхичитте; на тайном уровне он был совершенным йогиним, который привел к созреванию тайные учения Тантры, в особенности высочайшие и самые тайные наставления по Дзогчену и Махамудре. Хинаяна, Махаяна и Ваджраяна были объединены в его практике, которая привела его к высшему постижению.

Отношение Шабкара к разным школам тибетского буддизма не было омрачено ни малейшим намеком на сектантские предубеждения. Несомненно, так сложилось, в первую очередь, благодаря его свободному и независимому образу жизни, не усложненному верностью какой-либо организации или

зависимостью от благодетелей. Он жил впроголодь. Он не имел постоянного жилища, а личные нужды свел к абсолютному минимуму. Преданность его учеников часто выражалась в богатых пожертвованиях, которые он быстро переадресовывал в виде религиозных либо благотворительных подношений. Дхарма была для него делом личного постижения и практики, а не следования какой-либо школе. Он любил учение Будды во всех его проявлениях, и его отношение ко всем традициям было одинаковым: непритворной преданностью.

Однажды в молодости, посещая знаменитый гелугпинский монастырь Лабранг Ташикил в Амдо, Шабкар помолился о том, чтобы быть способным практиковать Дхарму совершенным образом, незапятнанным никакими предубеждениями. Возвращаясь к этому моменту в автобиографии, он цитирует пятого Панчен-ламу, заявлявшего о подлинности всех школ тибетского буддизма, и комментирует: «В соответствии с этими словами, я всегда развивал полную уважения преданность к учениям и учителям, видя всех их чистыми»⁵. Особо поражающая черта религиозной жизни Шабкара — то, насколько он совмещал учения нингма и гелуг, двух школ, которые часто считаются диаметрально противоположными. Вероятно, этому благоприятствовала социальная обстановка региона, в котором он вырос — здесь, вдали от центров политической власти, практикующие всех традиций жили рядом и свободно общались.

Шабкар происходил из нингмапинских йогинов из Реконга в Амдо, прославившихся чистотой самаи и чудесными силами, происходящими из духовных свершений. Здесь началась его духовная практика, и из его последующей жизни ясно, что учения, которые он получил здесь на словах и на примере, оставили неизгладимый отпечаток на его характере. В возрасте двадцати лет он был посвящен в монахи великим гелугпинским настоятелем и ученым Арик Геше Джампел Гялцен Осэром, который посоветовал Шабкару искать

его коренного учителя, великого нингмапинского наставника Чогяла Наки Вангпо. От последнего Шабкар получил все учения школы Старых переводов, включая наставления по практикам Великого Совершенства, трэччо и тогал, которые сформировали суть его личной практики. Тем не менее, как Шабкар вспоминает в своей биографии, он часто получал передачи и посвящения Новых школ, среди которых — его любимая Мигцема, прославленная молитва Цонкапе как драгоценному украшению Страны снегов. Позже, во время путешествий, он с удовольствием посещал великие гелугпинские монастыри в центральных провинциях У и Цанг, где совершал обильные подношения и испрашивал учения. Также он совершал паломничества в великий монастырь Сакья, где получал посвящения от сыновей Вангду Нингпо, тридцать третьего держателя трона⁶. Будучи в этой местности, он также смог выказать почтение монастырю Джонанг Гандэн Пунцолинг, где некогда проживал Таранатха Кунга Нингпо; Шабкар сделал копию его учений с деревянного оттиска, до сих пор хранящегося там⁷. Наконец, он чувствовал себя как дома среди йогинов кагью на горе Кайлаш или в любом другом месте. Читая о жизни Шабкара, проникнутой духом безмятежной преданности и абсолютного уважения ко всем традициям, едва ли можно представить себе глубину сектантской враждебности, этого бедствия социальной истории Тибета, которая досаждала многим поколениям. Поклонение Шабкара всем традициям тибетского буддизма было столь мощным и искренним, что он был прославлен в качестве воплощений различных выдающихся личностей этих традиций. Часто его почитают как эманацию Манджушримитры (*'jam dpal bshes gnyen*), одного из патриархов линии Дзогчен школы нингма. Он был признан воплощением наставника Нулчу Гялсэ Тогмэ, весьма почитаемого последователями сакья, и перерождением Ченнава Лодро Гялцена, близкого ученика Дже Цонкапы. Однако более всего Шабкар известен

как эманация Джецуна Миларэпы, одного из величайших йогинов школы кагью и одного из самых популярных персонажей тибетской традиции. Во всем, что касается стиля жизни, одаренности, упорства и достижений, очевидно следование Шабкара по стопам Миларэпы.

Шабкар был известен любовью к животным и заботой о них. Его отношение было не просто выражением симпатии или эстетической оценки — оно коренилось в понимании буддийского учения. Для Шабкара, как и для остальных буддистов, животные, в первую очередь, — живые существа, которые, подобно нам, пойманы страданиями сансары. Какими бы причудливыми и разнообразными телами они ни обладали, и какими бы примитивными ни были их интеллектуальные и эмоциональные способности, они, тем не менее, наделены умом, и, в упрощенном смысле этого слова, являются личностями. Не меньше, чем люди, они придерживаются представления о самости. Поэтому, на свой лад, они страстно желают счастья и исполнения желаний и страдают, когда им не удается этого достичь. По сравнению с людьми животные, конечно, находятся в куда более неудачном положении. Их умы намного сильнее затемнены неведением, ими владеет сила инстинкта. Они могут обладать намного более сильным и тонким чувственным восприятием, чем люди, но их интеллект не приспособлен для понимания Дхармы и применения методов, позволяющих уму эволюционировать от рабства к свободе.

В течение многолетних затворничеств в тиши высокогорья и во время уединенных переходов по пустынным местностям Тибета Шабкару, несомненно, представлялось много возможностей вблизи понаблюдать за животными и их жизнью. Эти случаи, в сочетании с чрезвычайной простотой его собственного образа жизни, должно быть, еще больше увеличили его естественное сопереживание животным, которое мы можем прочувствовать во многих местах его автобиографии. Его жизнь среди дикой природы, скудная пища и убогое

прикрытие от стихий, вероятно, помогли ему по достоинству оценить трудности и опасности, выпадающие на долю зверей. Наверное, не раз ему приходилось голодать, мерзнуть, видеть беззащитность и страдания животных, сталкивающихся лицом к лицу с изменчивой погодой и опасностями, исходящими от естественных врагов. Безусловно, он чувствовал свою общность с животными, а они, в свою очередь, за время его долгого пребывания в уединенном затворничестве, вероятно, привыкали к неопасному присутствию этого странного человека. Иногда Шабкар разговаривал с ними, и порой он представлял, что каркающие вороны или заунывная кукушка разговаривают с ним или друг с другом. Однажды он дал простые духовные наставления стаду диких ослов *кьянг*, которые, казалось, стояли и слушали, а в другой раз сам получил искреннее поучение от старой овцы. Из его сочинений ясно, что часто он бывал тронут красотой животных и их неприкрытым соседством. Очень часто именно пение птиц или шуршание насекомых подталкивали его к духовным прозрениям, которые он позже запечатлевал в песнях.

С раннего возраста Шабкара приводило в ужас то, как люди обращаются с животными. На первых страницах автобиографии он описывает детские впечатления, оставившие отпечаток на всю жизнь:

Как-то осенью у нас был отличный урожай. Все соседи, из бедных и богатых домов, сказали, что это надо отпраздновать. Это, конечно, означало зарезать множество овец. Зрелище было жутким. Я был в ужасе, меня переполняла жалость. Я не мог вынести этой резни, мне пришлось уйти и переждать, пока все не закончится. Когда они закончили убивать, я вернулся и увидел туши овец, лежащие на земле. Их резали на куски. Я подумал: «Эти люди поступают ужасно неправильно, хотя и знают, что им придется страдать от последствий в будущих жизнях! Когда я подрасту, буду жить только в соответствии с Дхармой. Я полностью

отвращусь от подобных дурных действий». И я снова и снова повторял себе это обещание.

*[Царь драгоценностей, исполняющих желания,
ЦДИЖ, с. 16]*

На протяжении жизни Шабкар, как и любой другой буддийский наставник, давал учения о законе кармы и всячески рекомендовал ученикам воздерживаться от убийства, иногда добиваясь впечатляющих результатов. Как и его старший современник Джигмэ Лингпа, он практиковал спасение жизней животных, выкупая их и отпуская на волю. В одной из песен он отмечает, что к пятидесяти шести годам (всего ему было суждено прожить семьдесят) он выкупил жизни нескольких сот тысяч животных⁸. Еще в относительно молодом возрасте, во время путешествия в Лхасу, с Шабкаром произошел случай, которому суждено было коренным образом повлиять на его образ жизни. Шабкар посещал святые и монастыри, выказывал почтение ламам, религиозным и политическим сановникам, но снова и снова его тянуло к Джокангу, центральному храму города, где находится знаменитый Джово Ринпоче, статуя Будды Шакьямуни, которая считается прижизненной. Эта статуя была и остается одной из самых почитаемых объектов в мире тибетского буддизма, и на протяжении веков она притягивала бесчисленные подношения и преданные молитвы. «Однажды, — вспоминает Шабкар в автобиографии, — я оставался рядом с Джово очень-очень долгое время и так сильно молился, что вошел в состояние глубокого погружения. Когда позже я обходил вокруг Лхасы, я наткнулся на дороге на многочисленные туши зарезанных овец и коз. В этот момент на меня нахлынуло сострадание ко всем животным, убиваемым в мире ради еды; оно было столь сильным, что я не мог его выносить. Я вернулся к Джово Ринпоче и, простираясь, дал такой обет: «Начиная с этого дня, я оставляю неблагое действие поедания плоти живых существ, каждое из которых было моим родителем»». [ЦДИЖ,

с. 201] Это был 1812 год; Шабкару был тридцать один год. «Начиная с этого момента, — продолжает Шабкар, — никто ни разу не убивал животных, чтобы предложить мне пищу. Мне даже рассказывали, что, когда мои преданные покровители знали, что я собираюсь их навестить, они говорили: «Этот лама не ест мяса даже тех животных, которые умерли естественной смертью; мы не должны оставлять мясо там, где он может его увидеть». И они всё прятали. То, что ради меня не было больше убито ни одно животное, я думаю, произошло благодаря состраданию самого Джово». [ЦДИЖ, с. 201]

Решение Шабкара воздерживаться от мяса подразумевало ощутимую жертву. Хотя сегодня путешествующие по Тибету сообщают, что рис и овощи, импортируемые из Китая, можно найти во многих частях страны, во времена Шабкара дело обстояло не так. Верно, что с незапамятных времен в низинных регионах на юге и востоке страны росло достаточно овощей и зерновых, чтобы дополнить мясной рацион большинства жителей. Но выращивать достаточно овощей, чтобы обеспечить то, что сейчас считается нормальным вегетарианским питанием, было невозможно. На высоте 12 тысяч футов (3 658 м) сельскохозяйственные культуры не растут, а север Тибета покрыт необъятными пастбищами, подходящими только для выпаса домашнего скота: яков, коз, овец. Так что прекратить есть мясо было поистине героическим поступком, совершаемым очень немногими. Это означало удовлетвориться рационом, состоящим преимущественно из масла, творога и цампы, — традиционной тибетской муки из поджаренного ячменя, в которую добавляют масло и чай и едят в виде кусков густого теста. Это означало примириться с ослаблением иммунитета в результате недостатка витаминов и белков, и, безусловно, это означало бóльшую беззащитность перед холодом, который ощущается особенно сильно при недостаточном потреблении жиров. Понятно, что такая диета была невозможна для большинства. Даже в стране, где всем были известны принципы Махаяны, где не было людей, незнакомых с учением Будды о

сострадании, когда дело касалось пищи, большинству было просто невозможно воплощать подобные учения в жизнь. В крупных монастырях, даже если монахи были склонны отказаться от мяса, о достаточном снабжении их овощами не было и речи. Чтобы стать вегетарианцем в Тибете, требовались стойкость и целеустремленность, которые могли возникнуть только из глубочайшей убежденности.

Все эти соображения — широта практики Шабкара, которая охватывала весь спектр учений, его безоговорочная верность всем школам тибетского буддизма, безупречная прямота его характера и жертвы, на которые он готов был пойти, чтобы жить в соответствии со своим пониманием и принципами, — дают Шабкару необычайный авторитет и право говорить от имени буддийской традиции в целом. Поэтому то, что он говорит об употреблении мяса в контексте буддийской практики, важно и должно быть услышано, даже если это, вероятно, расходится с нашими собственными взглядами и предпочтениями или кажется нам непосильным.

Прежде чем рассматривать доводы Шабкара более подробно, мы должны признать, что придти к единодушному толкованию буддийского учения об употреблении мяса трудно и даже невозможно. Очевидная причина этому — то, что отношение самого Будды к употреблению мяса, представленное в учениях неясно и двусмысленно. В некоторых сутрах, особенно раздела Хинаяны, мы обнаруживаем, что Будда рекомендует ученикам воздерживаться только от определенных видов мяса; из чего следует, что мясо как таковое — приемлемая пища. Также он разрешает монашеской сангхе есть мясные продукты при определенных условиях. Утверждается, что Будда и сам ел мясо; также существует утверждение, хотя и небесспорное, что причиной его смерти стала поднесенная ему испорченная свинина⁹. В других источниках, особенно в *Ланкаватара-сутре* и других махаянских сутрах, Будда самым решительным образом критикует употребление мяса и запрещает его при любых обстоятельствах. И, нако-

нец, в некоторых текстах Тайной Мантры употребление мяса, а также алкоголя, не только разрешается, но и всячески обоживается.

Шабкар подходит к решению этой загадки в духе постепенного пути и объясняет кажущиеся противоречия в учениях проявлением мастерства Будды-наставника. Достигнув просветления для себя, Будда не стремился продемонстрировать собственное величие, провозглашая возвышенные истины, недоступные его аудитории. Его первым желанием было привести и других на свой уровень понимания, и в этом он был прагматиком. Зная, что люди меняются только благодаря тому, что они могут понять и действительно усвоить, он не озадачивал их тонкими и трудными для понимания словами, чтобы навязать непосильную дисциплину. Вместо этого он говорил с ними в соответствии с их способностями и нуждами.

Поэтому записанные учения обусловлены обстоятельствами, они были даны определенным людям в определенных условиях. Учение, подходящее одному человеку или группе людей, вовсе не обязательно подходит другим. Наставления, предназначенные для учеников с острыми умами, находящихся ближе к пониманию самого Будды, не подходят ученикам с более скромными способностями, которым нужен более постепенный подход. Буддийские учения представляют собой весь спектр наставлений, объединенных общей целью — вести существ к освобождению.

Отсюда вытекают два важных заключения. Первое: существует иерархия учений, некая шкала действенности, в соответствии с которой базовые наставления рассматриваются как временные, дающиеся по необходимости, и постепенно замещаемые более высокими и требовательными наставлениями, которые излагаются, когда ученик готов. Для Шабкара, как и для всех учителей тибетского буддизма, учения уровня Хинаяны принципиально важны в качестве основы для правильного понимания и практики. Но ими дело не кончается. Их превосходят учения Махаяны, и точно так же внутри самой

Махаяны учения Сутры готовят ученика для превосходящих их учений Тантры. Таким образом, все обширные учения Будды выстраиваются в гармоничную и последовательную систему, в которой учения, кажущиеся неполными с точки зрения более высокого воззрения, ступенью ниже выполняют вполне уместную подготовительную функцию. В этом свете учения сутр, как Хинаяны, так и Махаяны вполне согласуются между собой, и размышления о возможности позднейших вставок в тексты и их намеренного искажения более поздними поколениями, которым предавались некоторые знатоки, становятся неуместными¹⁰.

Второе важное заключение: обоснованность учения зависит от обстоятельств, в которых оно было передано. Приводить цитаты без контекста и широко применять их в ситуациях, для которых они не были предназначены, — ошибка. Так, наставления, данные в хинаянском окружении, неуместны и не обладают таким же весом в контексте Махаяны. Как показывает Шабкар, путаница по поводу употребления мяса возникла из-за поверхностного и неправильного прочтения сутр.

Как мы убедились, несмотря на то, что в Тибете преобладала Махаяна и великие мастера излагали ее и воплощали в жизнь во всей чистоте, большинство людей не следовали ее принципам по части употребления мяса. И, как мы уже предположили, использовать цитату, касающуюся употребления мяса, вырвав ее из контекста, — это очень свойственный людям образ действий. Когда они оказываются не в силах поступать в соответствии со своими идеалами, для них естественно попытаться рационально объяснить свое поведение и оправдать его, чтобы таким образом сохранить лицо или просто облегчить психологический дискомфорт. В действительно сложной ситуации также естественно следовать по пути наименьшего сопротивления. Например, в Кхаме и Амдо под конец зимы наступает сильный голод. Если мясо доступно, люди покупают и едят его, не слишком беспокоясь о том, как

оно было заготовлено, и говорят себе, что не несут ответственности за смерть животного. Надо обладать черствым сердцем, чтобы критиковать их за это.

Однако, какими бы убедительными ни были обстоятельства, — а в Тибете они, несомненно, были и остаются сильным аргументом, — все же важно не забывать основной принцип. Насколько бы ни было оправдано употребление мяса в данных обстоятельствах данными людьми, нельзя затемнять основополагающий факт: употребление мяса — это нарушение махаянского идеала, и в нормальных обстоятельствах его защищать нельзя. Из книг Шабкара ясно, что такова была одна из его главных забот — в самых сложных обстоятельствах напоминать об истине и поддерживать идеал в жизни. Все это делает позицию Шабкара еще более необычной. Его учение об употреблении мяса кажется экстраординарным и идеалистичным даже на богатом Западе; каким же оно кажется в суровых условиях Тибета?

И все же нет правил без исключений. В любых географических условиях и культурах поведение остается делом личного выбора и способностей. Очевидно, что осведомленность и искренность — самые важные движущие силы, но при этом необходимо признать, что там, где суждения подвержены желаниям и силе привычек, неизменным их спутником может стать самообман.

Шабкар прекрасно осознавал все эти усложняющие дело факторы, и его позицию можно назвать сострадательным реализмом. Он сожалел по поводу сложившейся ситуации, но прекрасно знал, что выступает за практику, которая недостижима для многих его собратьев-тибетцев. Тем не менее, он продолжал ее пропагандировать, избегая при этом нравоучений. Он горевал о жертвах мясников и был нетерпим к лицемерию и софистике некоторых устоявшихся практик. Но он знал, что почти в любых условиях лучший способ исправить ситуацию — это убедительность и личный пример.

Первая часть его автобиографии заканчивается стихом, в котором автор пересматривает совершенное до сих пор — то есть до пятидесяти шести лет. О себе он говорит: «Я хранил все обеты пратимокши, обеты бодхисаттвы и Мантраяны. Я отказался от мяса, алкоголя, чеснока, лука и табака и поддерживал себя тремя белыми и тремя сладкими¹¹, чаем, маслом и кампой». [ЦДИЖ, с. 480b]. Далее он упоминает своих учеников: сто восемь великих духовных сыновей, тысяча восемьсот великих гомчендов, как женщин, так и мужчин, десятки тысяч монахов и монахинь, которые были его последователями, живя в монастырях, и бесчисленное количество йогинов, деревенских практикующих, преданных ему домохозяев, которые практиковали, насколько это было возможно — молились, постились, повторяли мантры. Из этого необъятного количества последователей он особо выделяет тех практикующих, которые, «достигнув совершенных добросердечия, сострадания и бодхичитты, перестали есть мясо». [ЦДИЖ, с. 480b] Их было около трехсот — крошечный процент, однако, их он упоминает с восторгом и уважением.

Остальные последователи Шабкара ели мясо, их он принимал как учеников, которых следует учить и направлять на пути. В «Изъянах употребления мяса» Шабкар цитирует *Махапаринирвана-сутру*, в которой Будда говорит: «Мое учение не похоже на учение обнаженных аскетов. Я, Татхагата, установил правила [нравственной] дисциплины, соответствующие разным личностям». Следуя той же традиции, Шабкар не был нетерпимым фундаменталистом, выступающим за одноединственное правило для всех обстоятельств. Он заботился о том, чтобы люди менялись и росли. Для нас, идущих по пути такими, какие мы есть, и столкнувшихся с недостижимыми на данный момент целями, лучший и, пожалуй, единственно реалистичный подход — это занять скромную позицию и приготовиться начать оттуда, где мы находимся, используя «сырьё» присущих нам в данный момент личностных качеств, со всеми нашими нуждами и слабостями. Если

по каким-либо причинам мы не можем обходиться без мяса, начнем продвигаться к цели, будучи мясоедами. Тот факт, что мы продвигаемся к цели, — и есть причина, по которой необходимо уважать идеал и не затемнять его благовидными отговорками. Принятие возможности изменения — предпосылка морального прогресса. Следуя путем бодхисаттвы, надо ожидать преобразований, а, познав глубину и обширность преобразования, изменение диеты мы можем воспринять как незначительный штрих.

ХИНАЯНА И ПРИНЦИП ТРОЙСТВЕННОЙ ЧИСТОТЫ

Буддисты разных традиций могут придерживаться разных мнений об употреблении мяса, но все они сходятся в одном: отнять жизнь у существа — поступок дурной. Обет не убивать — первое предписание на буддийском пути, и сам факт вхождения в число буддистов благодаря принятию прибежища в Трех Драгоценностях автоматически налагает обязательство не причинять вреда ни одному существу. Более того, все буддисты соглашались с тем, что лишение жизни при обычных обстоятельствах засеивает семена будущих страданий в поток ума убийцы. Очевидно, что наличие мяса подразумевает смерть животного; и если животное было убито, а не умерло естественной смертью, то возникает вопрос: переходят, хотя бы частично, кармические последствия убийства на того, кто ест мясо? Вероятно, размышления на эту тему — одна из причин, по которым Будда провозгласил принцип тройственной чистоты. В соответствии с данным наставлением, можно есть мясо, не перенимая на себя вину убившего, если тот, кто ест, не видел, не слышал и не подозревает, что данное животное было убито целенаправленно для того, чтоб его накормить. И наоборот, тот, кто ест мясо, зная, что данное животное было убито специально для этой цели, становится соучастником убийства. Так создается неблагая карма,

соразмерная карме убийства. Принцип тройственной чистоты, как и многие наставления Будды, касающиеся [нравственной] дисциплины, был продиктован обстоятельствами: в данном случае, он предназначался для странствующих монахов, питающихся подаянием¹². Этой практики и поныне придерживаются монахи Тхеравады в Таиланде и других странах. Простой и красивый ритуал проходит анонимно. Монахи покидают лесные вихары*, когда становится достаточно светло, чтобы разглядеть дорогу, и отправляются к входу в деревню. Там преданные миряне кладут в их чаши для подаяния самую разную пищу. Не произносится ни слова. Монахи выражают благодарность поклонами и уходят. Нет мирской веселости, не обсуждается, откуда взялась эта пища. Предполагается, что монахи осознанно будут есть содержимое своих чаш, плохое оно или хорошее, вкусное или отвратительное, принимая все, что к ним приходит, в духе беспристрастности.

Помимо того что убийство или подстрекательство к убийству само по себе есть зло, для членов сангхи это — коренное нарушение, разрушающее монашеские обеты. Поэтому для монахов и монахинь достаточно важно, становятся ли они соучастниками убийцы, принимая мясо в качестве подаяния. Таким образом, принцип тройственной чистоты предназначался для определения тех случаев, когда монахи могли есть мясо — появившись оно в их чашах для подаяния — и не нарушать при этом обеты. Другими словами, предусмотрительность имеет первостепенное значение для сохранения чистого поведения и предотвращения возможного накопления неблагодой кармы. В данном случае главными действующими лицами являются сами монахи, которые в хинаянском контексте пратимокши в основном озабочены собственным освобождением из круговорота страдания и, как способом его достижения, — соблюдением чистоты обетов.

* Храм или монастырское общежитие. — *Прим. перев.*

Понятно, что в условиях других культур практически невозможно найти мясо, отвечающее требованиям тройственной чистоты. Вполне вероятно, что лесные монахи пребывают в полном неведении относительно происхождения их пищи, или же они могут предполагать, что еда в их чашах — это то, чем каждый день питаются деревенские жители, и подаренное им мясо люди покупали (или убивали этих животных) для себя. Вне этой специфической среды условия и их моральная подоплека совсем другие. Организация религиозной жизни в Тибете и лесные отшельничества в Индии и Южной Азии — явления несопоставимые. Тибетские монастыри часто были огромными и располагались в отдаленных, редконаселенных районах. Провизии требовалось много, ее надо было закупать и доставлять. Как замечает Шабкар, это подразумевало вовлечение коммерции, рыночных отношений спроса и предложения. А наличие рыночных отношений — будь то базар в Гималаях или супермаркет в Европе и Америке — исключает возможность соблюдения принципа тройственной чистоты. Рассматривая этот принцип, Шабкар хотел определить верный для него контекст и показать, что тот не может служить оправданием для тибетских монахов, питающихся мясом. Предназначение данного принципа — выделить единственный вид мяса, которое можно есть, не нарушая тем самым обеты пратимокши. С другой стороны, большие систематические поставки «чистого» мяса невозможны по определению. Каким бы неизбежным ни было мясоедение в Тибете, защищать и оправдывать его с помощью данного принципа не логично.

Если человек мог и хотел отказаться от мяса в суровых климатических условиях Тибета, для него это означало жить практически на грани голодания. Понятно, что такая жизнь была не для большинства. Хотя Шабкар — не единственное исключение. В ранний период существования буддизма в Тибете воздержание от мяса, должно быть, являлось нормой

монастырской жизни, — такой вывод можно сделать на основании законодательства царя Трисонг Дзэцэна (этот факт Шабкар упоминает в другой своей работе¹³). Можно предположить, что монастырей тогда было не так много, и они были не такими большими. Они пользовались покровительством царя и хорошо снабжались. Но в любом случае во все времена в Тибете были выдающиеся учителя, и, несомненно, часть их учеников, которые отказывались от мяса. Так поступали многие последователи кадампа, начиная с самого Атиши, а вслед за ними учителя и практикующие всех школ: Миларэпа, Дрикунг Кёбпа, Таклунг Тангпа, Пагмо Друпа, Тогмэ Сангпо, Друкпа Кунле и другие, — вплоть до учителей более позднего времени, таких как Джигмэ Лингпа, Няла Пэма Дудул и Патрул Ринпоче. Что касается Патрула Ринпоче, знаменитого автора «Слов моего всеблагородного учителя», хорошо известно, что, благодаря беспрестанным разъяснениям *Бодхичарьяаватары* и многократному повторению учений о беспомощности наших братьев меньших, он добился упразднения практики убийства животных для подношения мяса приезжающим в гости ламам во многих областях Восточного Тибета¹⁴.

МЯСОЕДЕНИЕ И МАХАЯНА

Принцип тройственной чистоты был провозглашен в контексте учений Хинаяны в качестве руководства по сохранению чистоты обетов пратимокши. В Махаяне акценты расставлены по-иному: на смену желанию самому освободиться от страданий приходит глубокое осознание страданий других существ и стремление защитить их и освободить. Так как способность освобождать других подразумевает наличие собственной свободы, Хинаяна ни в коем случае не отвергается; несколько видоизмененная, она составляет базис махаянских учений. Необходимость собственного освобождения признает-

ся, но происходит смещение акцента на освобождение других или, точнее, на достижение такого состояния мудрости, в котором различия между «собой» и «другими» преодолеваются и становятся нереальными.

Важно размышлять и подробно останавливаться на этом противопоставлении себя и других. Аксиома буддийского учения в том, что у всех без исключения существ складывается впечатление, что они — это «я», что есть некая самость, к которой они привязываются. Они служат интересам этого вымышленного «я» и боятся и сопротивляются всему, что ему угрожает. Они хотят счастья, они не хотят страданий. Это фундаментальное желание, возникающее из привязанности к «я», становится не только причиной существования индивида, но и причиной духовного поиска. Как и все прочие существа, практикующие уровня Хинаяны стремятся к счастью — к определенному счастью, к нирване. Желание личного освобождения, освобождения для себя, прекрасно соотносится с той же основополагающей мотивацией, которая менее искусных существ приводит к сансаре. Вот проявление гениальности Будды-наставника: глубинные эгоистические побуждения здесь используются как источник энергии, выводящей ученика за пределы сансары и ее причины — привязанности к «я». Как часто говорит Далай-лама, мы — существа-эгоцентристы; Будда научил, как быть мудрыми эгоцентристами. Принимая это во внимание, мы можем понять, почему сутью упражнений уровня Хинаяны являются дисциплинарные ограничения. Энергии, которые, будучи неконтролируемыми, приводят к тщетным страданиям сансары, сковываются обетами. Они используются, они направляются на получение хороших результатов. Мы учимся оставлять неблагое и осваиваем искусные техники [нравственной] дисциплины, сосредоточения и мудрости, и все это в соответствии с нашим изначальным намерением — достичь счастья.

Махаяна, напротив, гладит нас против шерсти. Честный самоанализ показывает, что мы не склонны отвергать свои

интересы ради блага других. Альтруизм выводит нас за рамки собственных ограничений, ему мы должны сознательно учиться. Более того, чтобы почувствовать необходимость приступить к какой-либо практике, нужен личный опыт — вдохновение и сильное желание достичь тех или иных целей. Вот почему в *Бодхичарьяаватаре* разделяются бодхичитта намерения (интерес и желание достичь полного просветления на благо других) и бодхичитта действия (реальное применение намерения и практика пути бодхисаттвы, который приводит к цели).

Как объясняется в учениях¹⁵, эти две грани бодхичитты связаны с различными обетами и упражнениями, и в начале «Нектара бессмертия» Шабкар упоминает две практики, которые особенно тесно связаны с бодхичиттой намерения. Первая из них — знаменитая практика семи упражнений ума, созданная для развития чувства близости с другими. Она основана на понимании того, что все существа в какой-то момент пребывания в сансаре были связаны с нами узами взаимоотношений «родители-дети». Цель этого упражнения — прийти к признанию того, что все существа, в каком бы теле они сейчас ни пребывали, в какой-то момент были нам близки и глубоко нас любили. Они лелеяли нас и защищали, и мы были для них поистине бесценными. Без конца повторяющаяся трагедия сансары заключается в том, что мы совершенно забываем тех, кто когда-то с нежностью о нас заботился, точно так же, как скоро мы забудем жену, мужа, возлюбленных, родителей, детей — тех, кто дорог нам в этой жизни. Заключение, которое мы делаем из данных размышлений, — что все существа, будь то люди или животные, друзья или враги, знакомые или незнакомые — наши давно потерянные любимые.

Вторая техника, связанная с бодхичиттой намерения — это «уравнивание и замена [себя другими]». Она подробно разъясняется Шантидэвой в *Бодхичарьяаватаре* и являет собой более философский подход. Здесь логические размышления используются для разрушения кажущегося непреложным де-

ления на себя и других, показывая, что это лишь концептуальное представление, не имеющее ничего общего с действительностью — оно не более реально, чем оптические иллюзии¹⁶. Эти две техники хорошо работают в сочетании. Практика уравнивания и замены себя другими создает в уме необходимую «среду», доказывая, что сострадание — явление глубоко разумное и логичное. Практика семи упражнений ума, напротив, куда более эмоциональна, она вызывает непереносимое чувство близости к другим существам и понимание их страданий, так что ум почти готов действовать — сделать что-нибудь для облегчения страданий существ и их освобождения. Когда и логическое понимание, и чувство развились до определенной степени интенсивности, возможно появление истинного сострадания. Еще раз необходимо подчеркнуть, что обе эти практики составляют часть обязательств, связанных с бодхичиттой намерения. Истинная бодхичитта появляется в уме только тогда, когда они доведены до совершенства. Это, конечно, не означает, что нужно ждать завершения этих практик, чтобы приступить к действиям, связанным с бодхичиттой применения (парамита щедрости и другие), но, с другой стороны, последующие практики не могут быть завершены прежде, чем достигнут своей цели начальные.

Таким образом, упражнения, связанные с бодхичиттой намерения — это основа практики Махаяны, и поэтому совсем неудивительно, что Шабкар упоминает их в начале произведения. Что удивляет — так это связь, которую он устанавливает между этими практиками и употреблением мяса. Ведь он пишет, что, когда воспитание ума доведено до совершенства, и практикующий, например, живо прочувствовал, что все существа некогда были к нему так же близки и добры, как и нынешние любимые родители, — становится совершенно невозможно питаться их плотью. И, напротив, отношение к мясу как к обычной еде, его постоянное и бездумное употребление означает неосознанность и безразличие

к страданиям существ, что несовместимо с воспитанием ума. Поэтому сильная любовь к мясной пище и удовлетворение от нее могут быть знаком, что освоение бодхичитты намерения еще не достигло совершенства. Необходимо заметить, что, занимая такую позицию, Шабкар концентрируется не на мясе как таковом, а на существах, которых мучили и убивали ради получения мяса. Так что он осуждает употребление не только мяса, но и всех продуктов, получение которых подразумевает убийство животных и нанесение им вреда.

Наверное, многим из нас трудно принять это учение. Ведь в нем говорится, что, сколько бы мы уже ни практиковали Дхарму, если в нас остается тяга к мясной пище и другим животным продуктам, мы не более чем новички на пути Махаяны. К этой мысли мы еще вернемся, а в качестве подготовки к чтению Шабкара может быть полезным немного углубиться в воззрение Махаяны, — оно объясняет и делает вполне закономерной позицию этого учителя.

Помимо упражнения в двух вышеупомянутых практиках, претендентам на путь бодхисатвы следует развивать четыре «безмерные» качества, называемые так потому, что сфера их применения — все живые существа — и получаемая заслуга настолько огромны, что не поддаются измерению. Эти безмерные: добросердечие — искреннее желание счастья другим; сострадание — искреннее желание, чтобы другие не страдали; сорадование — сердечная радость по поводу счастья других и беспристрастность — способность применять предыдущие три ко всем существам, не делая различий. Из этих четырех безмерных качеств последнее — самое значимое, оно бросает практикующему наибольший вызов.

Обозревая мир из его центра, который, конечно, занимаем мы сами, можно заметить, что все собрание живых существ распадается на три категории. Во-первых, есть те, кто кажется нам близкими, красивыми, привлекательными, хорошими и значительными. Далее, есть те, кто нам не нравится или кого мы боимся, и они кажутся чужими, несущими угрозу,

плохими. И, наконец, между этими двумя полюсами есть огромное количество существ, которых мы просто не знаем, которые нам не интересны; мы друг другу взаимно безразличны. Воспринимать вещи таким образом — часть того, что называется пребыванием в сансаре; это неизбежный результат наличия ощущения «я» и привязанности к нему. Разделение мира на хорошее, плохое и нейтральное — настолько глубоко укоренившийся инстинкт, что мы по привычке воспринимаем его за объективную реальность, хотя это не более чем иллюзия, созданная фиксацией на «я». Истина, конечно, заключается в том, что никто сам по себе не является приятным, плохим или незначительным, и практика беспристрастности нацелена на разрушение таких безусловно ограниченных и эгоистических представлений. Потому что только с помощью беспристрастности мы можем хотя бы на мгновение увидеть других существ, отдельных от нас, с их точки зрения, без искажений, которые вносят наши эгоцентризм и ожидания. И, может быть, впервые мы увидим, что, независимо от нас и наших с ними взаимоотношений, все существа одинаковы — все без исключения, от наших дорогих детей до последнего (на наш взгляд) насекомого. Все хотят только одного: быть счастливыми и избежать горя. Все живые существа, будь то люди или животные, мечтают об исполнении желаний в соответствии с особенностями и возможностями их нынешнего воплощения.

Интересно поразмыслить о том, насколько это прозрение идет вразрез с нашими природными склонностями. Мы произвольно придаем значение всему, что происходит в «гравитационном поле» нашего эго, в ущерб тому, что остается за его пределами. Мы не замечаем тех, кому не выпало удачи попасть в круг наших интересов, забывая, что все существа одинаковы в своем основополагающем желании. У нас есть врожденное пристрастие к своей семье, своему кругу, своей традиции, своей стране, нации, расе и т. д., и нам кажется совершенно естественным помогать им и защищать

их, предоставляя всех остальных самим себе. К вышеперечисленным категориям следует также прибавить наш биологический вид. Мы думаем, что важны только люди.

Действительно, буддизм придает особое значение рождению в теле человека. Единственная причина этого заключается в том, что только в человеческом теле возможна эффективная духовная практика, в результате приводящая к освобождению. В остальном все существа — и люди, и животные — одинаковы. Все придерживаются идеи «я» и преследуют свои интересы, продиктованные инстинктом или разумом. В случае нападения все они стараются защититься и спастись. Если выпадает случай, то, в соответствии со своими возможностями и нуждами, они стремятся исполнить собственные желания и желания близких. Они пытаются избегать крушений и разочарований. Существа, заикленные на иллюзорном «я», скитаются в сансаре. Все они — все мы — страдаем, и наши страдания, а не наше положение в иерархии бытия, делает нас объектами для сострадания. Поэтому всем существам, а не только людям, адресованы блага от просветления Будды, и целью махаянского пути является всеобщее освобождение. Правда, что люди в целом умнее и изобретательнее других видов существ, и из-за их духовного потенциала их не разумно приносить в жертву ради блага животных (хотя в случае бодхисаттвы высокого духовного уровня такое может случиться, как было в одной из жизней Будды Шакьямуни, когда он отдал свое тело, чтобы накормить голодающую тигрицу). С другой стороны, с точки зрения буддизма, теистические религии заблуждаются, провозглашая, что человек — венец творения, а все остальные виды были созданы для его обслуживания, питания или забавы. Существа появляются в мире благодаря карме; все они обладают равными правами быть здесь. Осознание этой основополагающей истины — одна из целей практики беспристрастности. Таково сочувственное понимание трудностей всех существ, не только людей, независимо от нашей эгоцентрической точки зрения, интересов и желаний.

Если удалось уловить эту основную мысль, то легко понять и разницу в отношении Хинаяны и Махаяны к употреблению мяса. В Махаяне главное действующее лицо — уже не едок, который может загрязнить карму. Его место занимает жертва, живое существо, умирающее в страхе и мучениях для того, чтобы его тело было съедено или использовано для каких-то других целей. Вот сердечная суть мысли и учения Шабкара, которая вновь и вновь всплывает в его автобиографии. Преследуемый размышлениями о мучениях животных, убиваемых на охоте, забиваемых тысячами для пропитания тех, кто не хочет и не может есть другую пищу, Шабкар не мог молчать. Он был единоклубен с Патрулом Ринпоче в признании очевидной, но всеми игнорируемой истины: какими бы глупыми и слабыми ни были животные, они не хотят умирать. Он горестно сетовал, что жизнь, их единственная собственность, отбирается у них теми и для тех, кто, вопреки принципам воспитания ума, строит свое счастье на страданиях других.

Таков был подход Шабкара к употреблению мяса в Тибете, и несложно представить его реакцию, узнай он о жизни его собратьев-тибетцев в изгнании, или о буддистах изобильного Запада, которым несложно найти здоровую и вкусную замену мяса, и где производство мяса составляет огромную, жестокую и в высшей степени антигуманную индустрию. Кроме того, он бы не смог смириться с извращением учения — как он его понимал — теми, кто хочет оправдать себя благовидными объяснениями. Он решительно отказывался от принципа тройственной чистоты, во-первых, потому что он неуместен в контексте Махаяны, и, во-вторых, потому что он был очевидно неуместен в Тибете. У него не было времени для ханжеских молитв за убитых животных, истинное назначение которых — успокоить растревоженную совесть убийцы и потребителя, и он категорически отвергал идею, что животные получают благо, если их плоть едят те, кто претендует на звание практиков, при этом употребляя мясо из обычного желания.

С другой стороны, Шабкар признавал, что всегда есть исключения из правил. Он признавал, что иногда может быть лучше съесть мясо — например, в случае крайней нужды, когда больше буквально нечего есть, или когда с его помощью надо поддержать здоровье и силы пожилых учителей, чей уход сильно помешал бы сохранению учений.

МЯСО В МАНТРАЯНЕ

Существует мнение, что Мантраяна, колесница искусных методов, использующих объекты чувств на пути, разрешает и даже выступает за употребление мяса и алкоголя. В текстах ясно говорится, что в подношениях ганачакры «мясо и алкоголь не должны быть в недостатке». На практике это часто понимается так, что ганачакра является возможностью насладиться — в повседневном смысле этого слова — мясом и вином, и подчас в немалых количествах, а также как разрешение на их ежедневное употребление. Однако тот факт, что некоторые величайшие учителя тантры в истории тибетского буддизма вообще воздерживались от употребления мяса и рекомендовали то же своим ученикам, говорит о том, что вопрос этот не настолько прост и однозначен, как может показаться. Учения тантр об использовании объектов чувств очень тонки, и, как это часто бывает со сложными вопросами, их легко понять неправильно и неправильно применять.

По большому счету, каждая из трех колесниц — Хинаяна и разделы Сутры и Тантры Махаяны — имеет свою направленность. Хинаяна связана с личным освобождением. Для нее особым качеством ума является отречение (*nges byung*), четкое решение покинуть сансару. Махаяна основана на этом устремлении и связана с бодхичиттой. Ее характерными признаками являются альтруистическая забота о других и понимание мудрости пустоты. Мантраяну часто называют колесницей плода, так как в качестве пути здесь принимаются просветленные качества, уже присущие татхагатагарбхе, или приро-

де будды. В ней упор делается на постижение изначальной чистоты и равенства всех явлений. Здесь представления о чистом и нечистом (глубоко укоренившееся в нашей психологии различие, которое присутствует также в культурной среде и ею усиливается) не имеют значения, так же как и другие двойственные представления: боль — удовольствие, радость — горе, хорошо — плохо и т. п. Они рассматриваются как эгоцентрические иллюзии, за пределы которых необходимо выйти. Этим объясняется нестандартное поведение многих великих сиддх и тантрийских мастеров прошлого. Они жили поодаль от общества, а, появляясь, вели себя так, что подчас вызывали у обычных людей отвращение и ужас. Кукурупа, например, жил среди собак, Вирупа питался отвратительными липкими внутренностями тухлой рыбы, а в Тибете знаменитый Цангнён Херука однажды угостился гниющим и кишасим личинками мозгом, который он взял из отрубленных голов, висящих на городских воротах¹⁷. Подобные им личности всегда были исключительно важны и характерны для тантрийского буддизма, вплоть до наших дней.

Преодоление двойственных представлений о чистом и нечистом — одна из причин, по которым мясо и алкоголь, вообще-то считающиеся в буддизме предосудительными, являются необходимыми составляющими тантрийской практики. Предписывая использовать их в ганачакре, священные тексты и наставления по садханам указывают конкретные составляющие — пять видов мяса и пять нектаров — которые обычным практикующим Махаяны и кому-то еще вполне могут показаться нечистыми, неприемлемыми и даже отталкивающими. Ни в коем случае нельзя понимать ганачакру как предлог для потакания своим слабостям. Как заметил Далай-лама: «Таким образом кто-то может попытаться оправдать поедание мяса, основываясь на том, что он — практик высшей йога-тантры. Но этот человек не должен забывать, что в пять видов мяса и пять нектаров включены субстанции, обычно считающиеся грязными и отталкивающими.

Истинный практик высшей йога-тантры не делает различий, не предпочитает мясо грязным субстанциям. Мы же затыкаем носы, если такие субстанции оказываются где-то рядом с нами, не говоря уж о том, чтобы их действительно проглотить»¹⁸. Ввиду этого, безусловно, есть что-то смехотворное в церемониях ганачакры, на которых йогины и йогини смакуют мясное филе и обильно запивают его отборным бургундским.

Практикующие, способные наслаждаться пятью видами мяса и пятью нектарами или чем-то аналогичным, находясь в недвойственном состоянии ума, — это истинные тантрики. Притворяться и использовать ганачакру как предлог для обычных радостей — значит, в лучшем случае, сводить практику к пустому ритуалу. С другой стороны, даже истинным йогинам предписано использовать «чистые виды мяса». По крайней мере, в том случае, если практикующий не в состоянии переправить сознание животного в чистые сферы будд, мясо должно быть взято от животного, умершего естественной смертью. Напротив, сделать подношение ганачакры из свежего мяса животного, специально забитого для еды, по словам Патрула Ринпоче, является полным заблуждением. Это все равно, что пригласить будд и бодхисаттв на пиршество и поднести им мясо их собственных детей¹⁹.

На это можно возразить, что мясо и алкоголь, подносимые во время ганачакры, более не являются обыкновенными. Они очищены и преображены силой мантры. Поэтому допустимо наслаждаться ими. Однако это справедливо лишь в том случае, когда люди, делающие подношения, являются существами высокого духовного уровня, осознавшими изначально чистоту и равенство всех явлений, для которых подносимые субстанции действительно преобразились. Более того, только они действительно могут принести пользу существам, чье мясо используется для ритуала²⁰.

Иногда приводится такая цитата из тантр: «Сострадательный ест мясо, соблюдающий самую пьет алкоголь». На это

Шабкар отвечает: «В таком случае, так как Будда и его шраваки, Шесть украшений и Двое превосходных Индии²¹, Атиша и его духовные сыновья и другие святые существа не употребляли ни мясо, ни алкоголь, мы должны сделать заключение, что у них не было сострадания и они не соблюдали самай, или же что их сострадание было меньше, чем у людей, выдвигающих этот аргумент»²². Другими словами, буквальное толкование текста не может серьезно приниматься во внимание. Имеет смысл отнести к этой цитате как к примеру «непрямых учений, выраженных метафорами»²³, аналогично предписанию убить родителей и царя. Как объясняет Шабкар в другом месте: «Когда в учениях Тайной Мантры говорится, что следует есть мясо, это не прямое наставление. В комментарии к тантре *Кандро Гяццо (mkha' 'gro rgya mtsho)* ясно указывается, что под поеданием мяса подразумевается «поглощение рассудочных мыслей»²⁴.

Иногда говорится, что если практикующие Дхарму, а особенно Ваджраяну, едят мясо, их действия оправданны, так как они создают связь между убитым животным и учениями. Они приносят животному особое благо. Поэтому есть мясо — хорошо, причем надо есть много и регулярно. Шабкар находит этот довод особенно смехотворным. Как и другие ложные, но привлекательные аргументы, он строится на полуправде. Здесь утверждается, что принцип взаимозависимости универсален, и потому должен действовать в данной ситуации. Если возможно установить связь с Дхармой посредством слушания, видения и соприкосновения с представителями учения, то логично предположить, что животное обретает связь, будучи съеденным практиком Дхармы. Несомненно, в этом заявлении присутствует некая правда. Однако самое время задаться вопросом — насколько универсален это принцип, и в частности, применим ли он к нам. Если благодаря взаимозависимости животному можно принести благо, употребляя в пищу его мясо, то многое будет зависеть от едока — от его связи с Дхармой и степени духовных достижений.

Если тот, кто ест мясо, просветленный — будда или бодхисаттва, пребывающий на бхуми, то нетрудно предположить, что, по сравнению с другими животными, убитыми ради мяса, этому существу действительно повезло. Но, если честно, мы должны признать, что в нашем случае речь идет об обычных людях, лишь пытающихся практиковать, и «связь с Дхармой» значит, что мы прослушали несколько учений, прочли несколько книг, были на одном-двух посвящениях, к нашей макушке прикоснулись священным предметом, и теперь мы пытаемся, если позволяет время и есть настроение, медитировать и практиковать. Таким образом, наша собственная связь с Дхармой весьма незначительна. И если бы нам пришлось в голову задуматься о том затруднительном положении, в котором находится в данный момент сознание поедаемого нами животного, то кто бы из нас сумел определить его местоположение в бардо, не говоря уже о том, чтобы переправить его в чистые сферы будд? Какое благо могут принести животному поеданием его плоти подобные нам — лишь претендующие вступить на путь пленники сансары, не имеющие никаких достижений?

Тем не менее, необходимо согласиться, что есть исключительные существа, далеко продвинувшиеся по духовному пути, и, в соответствии с упомянутым принципом взаимозависимости, любой контакт с ними завязывает связь с учением и является источником великого благословения. Действительно, существуют учителя и йогины высокого духовного уровня, способные приносить пользу существам, поедая их мясо. Шабкар это прекрасно знал и предостерегал своих учеников от высказывания поспешных суждений и критики. Этот вопрос подробно рассматривается в «Излученном свитке чистого видения». В этом тексте Шабкар отходит от своего обыкновения уделять пристальное внимание отречению и лочжонгу, подходящих большинству практикующих, и обсуждает использование чувственных удовольствий и блаженства, характерное для учений Тайной Мантры. Он тщательно описывает

тот тип людей, которые способны должным образом применять эти методы, не создавая опасности ни себе, ни другим.

В отношениях с подобными существами обычный человек словно балансирует на лезвии ножа, так как обладает естественной склонностью оценивать характеры и действия окружающих, сравнивая их с собой. В обычных обстоятельствах подобные сравнения могут быть уместными и даже полезными. Но если кто-то настолько глуп, что хочет потягаться с мастером-сиддхой и позволяет себе критиковать его, то кармические последствия могут быть очень серьезными²⁵. В колофоне к «Излученному свитку чистого видения» Шабкар пишет, что много раз обдумывал необходимость подобного текста, так как в ходе своих путешествий заметил склонность критиковать практиков Ваджраяны за то, что они не отказываются от мяса, алкоголя и секса. В другом месте он пишет, что, как правило, мы не в состоянии судить о духовном развитии других, поэтому предпочтительно всегда предполагать лучшее, осваивать чистое видение и воздерживаться от любой критики людей, чьи духовные достижения могут быть куда выше наших собственных. Чистое восприятие — это, по сути, один из кардинально важных принципов на пути Ваджраяны. Объяснив, почему последняя, как правило, является гайным учением, Шабкар делает заключение: «Мы должны тщательно развивать чистое восприятие деяний бодхисаттв и великих сиддх. С другой стороны, простые, незрелые ученики не должны безрассудно пытаться подражать им»²⁶.

Очевидно, что утверждение о помощи животным благодаря их поеданию в большинстве случаев абсурдно. В автобиографии Шабкара есть длинная поэма, в которой он с юмором рассуждает на эту тему. Он описывает себя, сидящего на лугу среди большого стада овец и коз. Старая овца выходит из стада и, разговаривая с ним, сокрушается по поводу ужасающей судьбы домашних животных — даже в такой религиозной стране, как Тибет.

Судьба коз и матушек-овец
Находится в руках приезжающих лам.
Сейчас, в бардо и в будущих жизнях
Гуру — наша единственная надежда,
Бедные мы, несчастные!
Не предавай нас сейчас, когда у нас появилась
надежда!

Позволь нам прожить жизнь до конца,
Или заberi нас после смерти в высшие миры.
Если ты этого не сделаешь,
Боль будет нашей участью в этой и в будущих жизнях.
От жизни к жизни нас будут снова и снова убивать.
Не допусти, чтобы твои мудрость, любовь и сила были
столь ничтожны!

...Покровители приходят к вам, ламам, снимают шапки.
«Навестите нас, приезжайте в наш дом», — просят они.
Но не притворяйся, будто не знаешь, что, приветствуя
тебя, они собираются убить кого-то из нас, овец!

...Когда лама приходит в дом
И занимает место на удобном троне,
Нас убивают снаружи, прямо у дверей!
Не притворяйся, что не знаешь этого,
Ты, обладающий всеведением!

В ответ Шабкар приводит традиционные аргументы. В прошлых жизнях этим животным ни разу не предоставлялось возможности сделать что-нибудь для сохранения учения. Сейчас они должны радоваться такому шансу! Отдавая свои тела для питания ламы, они совершают нечто стоящее. «Разве это не благородно, — спрашивает Шабкар, — отдать свое тело Дхарме?» Однако последнее слово остается за животными. «Как только я произнес это, козы и овцы в один голос воскликнули: «О нет! Он один из тех лам!» — и в ужасе разбежались» [ЦДИЖ, с. 167–168b].

Идея проявлять сострадание, питаясь мясом существ, конечно, странна. Немногие станут отрицать, что если бы нам представился шанс получить связь с учением такой ценой, то мы были бы счастливы избежать встречи с Дхармой. Нетрудно также заметить, что использование этого аргумента вовсе не является выражением подлинной заботы о животных; это всего лишь нацеленная на самооправдание софистика, маскирующая обыкновенные желания. Если бы кто-то действительно беспокоился о животных и стремился даровать им связь с Дхармой, несомненно, более рациональным и эффективным было бы выкупить их у мясника и выпустить на волю, предварительно накормив благословленными субстанциями и так далее.

И, наконец, иногда приводится еще один аргумент, на этот раз нацеленный на ослабление позиции воздерживающихся от мяса. Он заключается в том, что производство любой еды, в том числе овощей и круп, подразумевает гибель существ. Множество насекомых и маленьких зверушек погибает в процессе выращивания зерновых и приготовления немясных продуктов, так какая же разница между вегетарианским и мясным питанием? На первый взгляд, у этой точки зрения есть основания, так как невозможно отрицать, что огромное количество насекомых действительно погибает, особенно из-за современных методов ведения сельского хозяйства. Однако, немного поразмыслив, можно понять, что это ложный аргумент, как в теории, так и на практике. Сострадание и желание защитить от страданий, базовые внутренние качества буддийского воззрения, основываются в первую очередь на намерении. Не может быть мясной пищи без умышленного убийства животных. Но с выращиванием зерновых дело обстоит не так, здесь уничтожение жизни не является неотъемлемой частью процесса. Гибель существ происходит из-за стремления к более высокой эффективности сельского хозяйства и выгоде. Любой садовод знает, что возможно вырастить овощи, не убивая насекомых намеренно

или хотя бы случайно. Таким образом, употребление в пищу овощей вовсе не подразумевает желания, чтобы кто-то был убит. Но как можно есть мясо и при этом искренне желать, чтобы поедаемые нами остались в живых? В любом случае, этот аргумент, используемый, чтобы выставить вегетарианство нерациональным и смешным, нельзя привести, не подрывая при этом позиций высказавшей его стороны. Ведь хорошо известно, что разведение, например, коров само по себе требует огромного количества зерна, что подразумевает гибель насекомых — прибавьте их к смертям домашнего скота, о которых идет речь. Таким образом, вегетарианство снова оказывается эффективным способом уменьшить количество убийств!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Многим из нас, даже буддистам со стажем, слова Шабкара покажутся тяжелым учением. С детства мы привыкли есть мясо и пользоваться самыми разными продуктами животного происхождения. В нашем обществе употребление мяса поощряется и считается нормальным. Наконец, все мы любим вкусно поесть и, в силу наших кулинарных традиций, обладаем не меньшим пристрастием к мясу, чем тибетцы. У нас оно, по сути, даже сильнее, в силу разнообразия и соблазнительности мясных продуктов, доступных в наших благополучных странах. Далее, мы можем искренне считать, что без мяса и рыбы нам очень и очень тяжело физически; а если учесть влияние социума — семью и работу, — то о радикальной смене диеты фактически не может быть и речи. В то же время мы видим, что многие аргументы и практики, обычно используемые для оправдания употребления мяса или уменьшения чувства вины, к которым мы, вероятно, прибегали, чтобы утихомирить совесть, разбиты Шабкаром; он показал, что они несостоятельны или просто глупы. Итак, учитывая искренность и истинность учений Шабкара, как нам приме-

нять их к себе и к своей жизни, в соответствии с нашими возможностями и обстоятельствами?

Главное — помнить, что, являясь буддийским учителем, Шабкар, как и сам Будда, стремился только к тому, чтобы вести существ по пути и помогать им развиваться в направлении свободы и просветления. Здесь уместно именно слово *развиваться*. Хотя буддийские учения однозначно указывают на кармические последствия поступков и дают соответствующие предостережения, не в духе буддизма навязывать застывшую мораль, которую надо пассивно принять, отвергая и подавляя старые привычки и нужды, да и в любом случае дело это бесперспективное. Вместо этого Дхарма часто сравнивается с лекарством или лечением, с помощью которых и дурные привычки, и осознанные нужды исследуются и преображаются изнутри. Эти методы применяются в соответствии со способностями и ситуацией ученика, да еще и постепенно, так что учения видятся не сводом обременительных наказов, а ступенями к достижению внутренней свободы. Здесь нет задачи титаническим усилием воли подавить желание есть мясо или прекратить употреблять животные продукты. Вместо этого, наша задача — развить сердечное сострадание и истинную чувствительность к страданиям животных, так что желание использовать их для своих нужд и питаться ими рассеется само по себе. Главная забота Шабкара — не посеять в нас чувство вины или неполноценности, а направить умы к более высоким и благородным целям.

Прямо сейчас, вероятно, сложно отказаться от мяса и продуктов (кожи, моющих средств, косметики), производство которых требует мучения животных. Но даже если нет возможности воздерживаться от них, все же многое можно сделать, чтобы улучшить кармическую ситуацию и так настроить ум, что, когда возможность наконец представится, измениться будет не только возможно, но даже легко.

Первая и, наверное, самая главная задача — это приложить усилие к тому, чтобы всегда помнить, что подразумевает

под собой употребление мяса. Это готовность увидеть то, что стоит за сложившимся образом пищевой индустрии, которая делает все возможное, чтобы за фасадом эстетичной или сентиментальной рекламы (пушистые овечки и мультяшные курицы) скрыть ужасающую действительность животноводческих комплексов и скотобоев. А существует все это лишь по одной причине: чтобы всегда снабжать нас разнообразным и недорогим мясом. Многие из нас едят мясо, но не у многих есть желание посетить места, где готовится наша еда — и увидеть не только ужас и агонию животных, которых перевозят, отбирают и убивают тысячами каждый день, но и грубость и бессердечность мясников, которые, работая для нас и снабжая нас мясом, действуют от нашего лица.

Увы, нужда и желание делают нас легкими жертвами обмана и притворства. И именно здесь, на уровне повседневного питания, мы легко предаем принципы воспитания ума и пренебрегаем ими. Забывать, откуда взялась наша пища, как она была произведена, какой ценой, есть неосознанно, машинально пережевывая мясо, ни на минуту не задумываясь о причиненных из-за него страданиях, — значит отворачиваться от существ. Это значит покидать их в огромном и безликом океане страдания. Как же можно совместить это с учением Будды?

Конечно, нам может быть сложно избежать употребления мяса и использования животных продуктов, но в таком случае даже сожаление и желание изменить ситуацию сами по себе замечательны и необычайно ценны. Это шаг в верном направлении. Требуется мужество, чтобы осознавать принцип, идеал, когда не можешь жить в соответствии с ним, и, тем не менее, само это осознание открывает дверь к изменению и прогрессу. Остальное приходит постепенно, в соответствии с возможностями. Человек может по какой-либо причине — состояния здоровья, положения в обществе, силы собственной привязанности — не иметь сил отказаться от мяса, но, вероятно, он может сократить объем его употребления или выби-

рать такие виды мяса, получение которых подразумевает наименьшее количество смертей. Этот же принцип могут использовать те, кто обходится без мяса, но на данный момент не в силах отказаться от мехов, кожаной обуви, особых видов мыла и т. д. Моральный прогресс возможен главным образом благодаря развитию чуткой совести, а не благодаря ее приглушению с помощью пространных рассуждений. В конечном итоге мы можем придти к тому, что наш образ жизни и нужды нашего тела прекратят быть источником ужаса и боли для других существ.

Убеждения и чувства Шабкара заставляли его увещевать других и вдохновлять их на настоящую практику сострадания ко всем существам, как к людям, так и к животным. Он реалистично воспринимал тот факт, что, по крайней мере в Тибете, он обращался к меньшинству. «Вполне возможно, — писал он, — что никто не сможет и не будет ко мне прислушиваться. С другой стороны, могут найтись один-два умных и сострадательных человека. Для их пользы я должен изложить это учение, прилагая все свои силы и способности»²⁷.

В конце жизни Шабкара Патрул Ринпоче, тронутый историями, которые он о нем слышал, отправился в долгий путь из Кхама в Амдо, чтобы повстречаться с ним. Пройдя уже полпути, Патрул Ринпоче получил известие о смерти Шабкара. Он сделал сотню постираний в направлении Амдо и спел молитву о скорейшем перерождении Шабкара. «Сострадание и любовь, — воскликнул он, — это корни Дхармы. Я думаю, что в целом мире нет никого более сострадательного, чем лама Шабкар. У меня не было к нему особых вопросов, я не собирался ни спрашивать, ни предлагать учений. Я лишь хотел накопить заслугу, узрев его лицо»²⁸.

Хотя Шабкар рассматривает вопрос употребления мяса в нескольких произведениях²⁹, два текста, здесь переведенных, представляют особый интерес. Первый — отрывок из «Чудесно излучившегося свитка»³⁰, посвященного изъяснам употребления мяса (*sha'i nyes dmigs*), — состоит по большей части

из цитат, порой весьма обширных, из махаянских текстов и из наставлений учителей всех школ тибетского буддизма. Помимо того, что эти цитаты вдохновляют сами по себе, они представляют особый интерес, так как показывают, что, вопреки общепринятому мнению, осуждение употребления мяса характерно не только для Сутры. Его можно обнаружить и в Тантре, вплоть до высших тантр уровня ануттара-йоги. Второй текст, «Нектар бессмертия»³¹, является самостоятельным глубочайшим исследованием вопроса. Это самое мощное произведение Шабкара на данную тему, и необходимо признать его одним из наиболее пылких обвинений употреблению мяса в тибетской литературе. Этот текст недавно был заново открыт Маттьё Рикаром во время его поездки в Амдо в 2001 г. Текст был обнаружен в монастыре в долине Шопон, недалеко от Реконга, где до сих пор живут многие йогины и практикующие линии Шабкара. Он был предоставлен для копирования Юндрунг Гялом, племянником знаменитого ученого Гендун Чопела. Мы глубоко благодарим и Юндрунг Гяла, и Маттьё Рикара за то, что они прислали текст нам.

Тексты были переведены на английский Хеленой Бланкледер и Вульстаном Флетчером из переводческой группы «Падмакара». Мы хотим выразить глубокую благодарность Алак Зенкару Ринпоче, Пэма Вангялу Ринпоче, Джигмэ Кенце Ринпоче и Джецун Янгчен Чодзому за воодушевление и помощь с текстами. Мы также очень благодарны Дженни Кейн, Памеле Ло, Ингрид и Долме Гюнтер за их идеи и поддержку.

ИЗЪЯНЫ УПОТРЕБЛЕНИЯ МЯСА

В *Ланкаватара-сутре* сказано:

«Прочитав перед Господином стихи восхваления, великий бодхисаттва Махамати обратился к нему с просьбой: — Господин и Татхагата, Сокрушивший врагов,³² совершенный Будда, молю тебя, скажи, как я и другие бодхисаттвы-махасаттвы сейчас и в грядущем можем устранить страсть к вкусу мяса в тех, кто запятнал себя привычкой питаться мясом и кровью существ? Молю тебя, Господин, дай такое учение, чтобы они постигли неправильность поедания мяса, и, устремившись вместо этого ко вкусу Дхармы, смогли взрастить любовь, что объемлет всех существ и лелеет их как родных детей. Объясни учение так, дабы они, исполнившись любви, смогли пройти по бхуми бодхисаттв и быстро достичь просветления, совершенного и непревзойденного, или, если им это не удастся, пусть достигнут они отдохновения в состоянии шравак и пратьекабудд, а оттуда двинутся к непревзойденному состоянию будд. Господин, даже те, кто не следуют Дхарме, а придерживаются ложных учений, впадающих в крайности существования и несуществования, провозглашающих вечное бытие или терминалистскую пустоту материализма, — даже они осуждают употребление мяса! Даже они воздерживаются от него! Но

ты, Господин, Защитник мира, учишь Дхарме, благоухающей ароматом сострадания. Это учение совершенных будд. И, несмотря на это, мы едим мясо; мы не положили этому конец. И поэтому, чтобы я и другие великие бодхисаттвы смогли объяснять твое учение как оно есть, прошу тебя, раскрой нам все изъяны употребления мяса во имя сострадания, с которым ты зришь на всех существ в мире с равной любовью.

Господин ответил:

— Махамати, слушай внимательно и запоминай, что я скажу. Ты задал превосходный вопрос, и я дам тебе учение.

И бодхисаттва-махасаттва Махамати стал внимательно слушать Господина, который сказал:

— Махамати, — сказал он, — любящий и сострадательный бодхисаттва не должен есть мяса. Тому есть бесчисленное множество причин, я объясню тебе лишь некоторые из них. Махамати, нелегко найти существо, которое за нескончаемые времена в сансаре не было бы хоть раз твоим отцом или матерью, братом или сестрой, сыном или дочерью, родным, другом или приятелем. Побывав твоей родней в одной жизни, в последующих они принимали другие формы. Они становились животными — дикими или домашними, зверями или птицами. Бодхисаттва-махасаттва Махамати, как могут те, у кого есть вера в Дхарму Будды, те, кто хочет идти по моим стопам, поедать плоть живых существ? Махамати, услышав совершенную Дхарму Татхагат, даже демоны прекращают есть мясо; они отворачиваются от своей демонической природы и становятся сострадательными.

Так должен ли я говорить о тех, кто обладает истинной верой в Дхарму? Махамати, раз бодхисаттвы смотрят на всех существ, их друзей и близких в прошлых жизнях, как на любимых детей, они должны избегать употребления любого мяса. Тем, кто идет по пути бодхи-

саттвы, Махамати, неподобающе, неправильно вкушать мясо. Поэтому им следует от него воздерживаться. Обычно мирские люди считают противоестественным есть мясо ослов, верблюдов, собак, слонов и людей (хотя мясники, стремясь к наживе, заявляют, что оно съедобно и торгуют им на улицах). А для бодхисаттв должно быть противоестественно употреблять любое мясо. Махамати, бодхисаттвам, желающим жить чистой жизнью, следует избегать мяса, ведь оно — не что иное, как результат слияния мужской и женской жидкостей³³.

Более того, Махамати, бодхисаттвам, лелеющим чужие жизни, следует воздерживаться от мяса, ведь они не желают пугать существ, наделенных физической формой. О Махамати, собак охватывает ужас, когда они даже издали видят мясников, рыбаков, охотников и других отверженных — всех тех, кто поедает собачье мясо. Думая, что эти люди приближаются, чтобы их убить, собаки почти умирают от страха. Подобным же образом, Махамати, когда маленькие животные, живущие на земле, в воздухе или в воде, видят, пусть издали, и улавливают своим тонким чутьем того, кто ест мясо, они спасаются бегством так же быстро, как человек бежал бы от людоеда, страшась убийства. Поэтому, Махамати, дабы не стать источником ужаса, исполненные любви бодхисаттвы не должны есть мяса. Обычные существа, Махамати, не ставшие арьями³⁴, обладают дурным запахом — причиной ему мясо, которое они едят. Так они становятся отталкивающими. Но арьи полностью отказались от этой пищи, и поэтому бодхисаттвам также следует воздерживаться от мяса. Арьи, о Махамати, едят пищу риши, они отказываются от мяса и крови, и бодхисаттвам следует поступать так же.

Махамати, сострадательный бодхисаттва, не желающий возмущать людей, которые потом могут хулить мое учение, вообще не должен есть мяса. Так оно и есть,

о Махамати. Некоторые люди в этом мире критиковали мое учение, говоря: «Увы, что за добродетель практикуют эти люди? Их жизнь не беспорочна. Они отринули пищу мудрецов древности и набивают животы плотью существ, внушая страх животным, обитающим в воздухе, в воде и на земле! Они скитаются по свету, их добродетельная практика пришла в упадок, они не отказываются от зла. Они лишены и духовных учений, и [нравственной] дисциплины!» Вот так люди злобно порицают мое учение на все лады. Поэтому, Махамати, сострадательному бодхисаттве, не желающему смущать умы людей, чтобы они потом не начали презирать мое учение, не следует есть никакого мяса.

Бодхисаттвам следует воздерживаться от мяса. Запах мяса, о Махамати, ничем не отличается от трупного зловония. Нет разницы между вонью поджариваемого трупного мяса и жареного мяса животных. И то, и другое одинаково отвратительно. И это еще одна причина, по которой бодхисаттва, идущий по пути и стремящийся к чистой жизни, не должен вообще есть мяса. Точно так же, Махамати, йогины, живущие на кладбищах и в пустынных местах, населенных духами, практикующие, живущие в уединении, и все те, кто медитирует о добросердечии, все те, кто повторяет видья-мантры, и те, кто желает достичь того же, — одним словом все мои благородные сыновья и дочери, выбравшие Махаяну, — постигают, что употребление мяса создает помехи для освобождения. И, так как они желают приносить благо себе и другим, они вообще не едят мяса.

Сознание существ концентрируется на их материальной форме, сильная привязанность к форме овладевает ими, и так существа отождествляют себя со своим телом. Вот почему бодхисаттва, практикующий сострадание, должен воздерживаться от мяса.

О Махамати, чтобы избежать таких вещей, бодхисаттва — тот, кто исполнен сострадания — никогда не должен есть никакого мяса. О Махамати, бодхисаттвы ограждают себя от всех видов мяса. Потому что у тех, кто питается мясом, уже в этой жизни дыхание становится омерзительным и зловонным, их сон тяжел, они просыпаются болезненно. Во сне их мучают такие кошмары, что волосы встают дыбом. Оказавшись одни в уединенных местах или пустых домах, они становятся жертвами духов, которые похищают их жизненную силу. Они легко впадают в гнев, поддаются внезапным приступам сильного беспокойства и ужаса. Они теряют свои умения и достоинства из-за того, что жадно набивают животы до отказа. Они не могут нормально переварить пищу, питье и питательные вещества. В их внутренностях обитают черви, и они становятся жертвами заразных болезней, проказы и прочего. Однако они и не помышляют, что причиной окруживших их несчастий может быть мясо.

Я говорил, что еда может быть либо полезной, как лекарство, либо отвратительной, как мясо детей, употребляемое в пищу. Мясо — еда обычных людей, Махамати, арьи же полностью его отвергают. Употребление мяса — источник больших бед; оно совершенно недобродетельно. Это не та пища, которой живут мудрецы. Как я мог позволить своим последователям вкушать столь вредную и неподобающую пищу, как мясо и кровь? Нет, Махамати, я скажу, что те, кто следует мне, должны есть то, что едят сами арьи и что простой народ отвергает — пищу, обладающую полезными качествами и свободную от загрязнений — здоровую пищу мудрецов прошлого. Своим ученикам я советую подобающее питание: рис и ячмень, пшеницу и горох, все виды бобов и чечевицы, масло сливочное и растительное, мед, патоку, фрукты и сахарный тростник. Я делаю это, Махамати, потому что придет время, когда дураки, чьи умы заняты множеством

мыслей, будут болтать о Винае. И, питая сильное пристрастие к мясу из-за привычки, они скажут, что плоть — это здоровая пища.

Я даю это учение для тех, кто идет по стопам будд прошлого, для тех, кто поступает добродетельно, кто исполнен веры и не тронут сомнениями. Есть такие благородные дочери и сыновья рода Шакьямуни, которые не цепляются за свои тела, жизни, собственность, не цепляются за ощущения вкуса. Они и вправду совсем не жаждут никаких вкусовых ощущений; они сострадательны и, как и я, объедают всех существ своей любовью. Они — великие существа, бодхисаттвы. Все живое дорого им, как собственные милые дети. Да помнят они это учение!

Давным-давно, о Махамати, жил царь по имени Сэнге Бансанг. Он был пожирателем мяса. Сказать по правде, он обожал запретные виды мяса и, в конце концов, стал поедать человеческую плоть. Его семья, придворные, родственники и друзья — все сбежали от него, как и люди, населявшие его город и всю его страну. Когда все его покинули, он сильно страдал. О Махамати, даже Индра, когда в прошлом он стал правителем богов, в силу укоровившейся склонности есть мясо, время от времени оборачивался ястребом и совершал много злых и жестоких дел — даже растерзал грудь невинного Шидена, сострадательного короля, и тем самым причинил ему великую боль. Махамати, привычка есть мясо, накопленная за многие жизни, — это причина множества недостатков и пороков и источник зла, совершаемого по отношению к другим, даже если мы родились Индрой, не говоря о менее значительных существах.

Махамати, есть и другая история — о правителе людей, которого унес сильный неуправляемый конь, так что он заблудился и плутал в пустынной местности. Чтобы выжить, он стал сожительствовать с львицей, и вскоре у них родились дети. Кангтра, сын царя, и его братья, вы-

росшие среди львов, питались мясом. Вследствие приобретенной в это время привычки, Кангтра продолжал есть мясо в последующих жизнях, даже когда в конце концов он стал царем людей. И, Махамати, этот самый царь Кангтра и его братья, даже в нынешнем своем воплощении в городе Кимдун, по-прежнему обладают сильной тягой к мясу и даже питаются запретными его видами, так что им предстоит родиться злыми упырями — пожирателями мяса женского и мужского облика. Махамати, в последующих воплощениях из-за страсти к мясу они будут хищными животными — львами, тиграми, леопардами, волками, кошками, лисами и совами — а также ракшасами и другими демонами, и во всех случаях будут жестокими пожирателями плоти. И после таких переживаний им будет сложно вновь обрести человеческий облик, не говоря о том, чтобы достичь нирваны. Таковы, Махамати, изъяны употребления мяса, и именно такова судьба тех, кто ест его в больших количествах. С другой стороны, бросить есть мясо — это источник появления множества великолепных качеств. Но, Махамати, обычные люди ничего об этом не знают, и поэтому я учу, что бодхисаттвам не следует есть мясо — чтобы они поняли.

Если бы люди воздерживались от мяса, Махамати, животных бы не забивали. Ведь большинство невинных зверей убивают ради наживы, немногих убивают с другими целями. Страсть ко вкусу мяса может быть нестерпимой и привести даже к употреблению человеческой плоти, не говоря уже о плоти зверей и птиц, диких и домашних. Махамати, люди, жаждущие отведать мяса, расставляют ловушки и сети, чтобы поймать добычу. С помощью таких ухищрений охотники, мясники, рыбаки и им подобные забирают жизни невинных созданий, обитающих на земле, в воздухе и в воде. Такие жестокие люди, лишённые жалости, подобные демоническим

ракшасам, которые убивают животных и пожирают их, — такие люди никогда не породят в себе сострадание.

Махамати, любое мясо — то, что я позволил употреблять шравакам, которые близки ко мне, и то, что я не позволил, и все мясо, о котором говорится, что оно не проверено³⁵, — губительно. В будущем однако, у глупцов, посвященных в мою традицию, у держателей победного знамени шафранных одежд, заявляющих, что они — дети Шакьямуни, умы будут извращены неверным мышлением. Эти глупцы потеряются в размышлениях о правилах Винаи. У них будет сильная привязанность к «я» и мощная тяга ко вкусу мяса. Они насочиняют всевозможных оправданий для употребления мяса и очернят тем самым мое имя. Они будут анализировать истории из прошлого и говорить: «Раз Господин запретил тогда есть мясо, это значит, что оно — подходящая еда». Они скажут, что Господин учил, что мясо полезно, и найдут так далеко, что заявят, будто он сам с удовольствием ел его. Но, Махамати, ни в одной из своих проповедей не давал я подобного общего разрешения и никогда я не учил, что мясо можно считать полезной пищей.

О Махамати, считай, что я запретил есть мясо, считай, что шраваки могут его есть. Но говорю тебе, что я запрещаю его йогинам, живущим на кладбищах и медитирующим о любви. Я запрещаю его моим благородным сыновьям и дочерям, вступившим на истинный путь Махаяны и считающим всех существ равными собственным любимым детям. Махамати, я действительно запрещаю употребление мяса всем, кто смотрит на живых существ как на своих единственных детей — сыновьям и дочерям моего рода, которые верят в Дхарму и вступили на какой-либо из путей практики, — йогинам, живущим на кладбищах, и практикующим, созерцающим в уединении. Правила поведения в моем учении формулировались постепенно, они — последовательные шаги на

одном и том же пути. Соответственно, употребление мяса запрещено в заповедях Махаяны. Хотя мясо животных, умерших по какой-либо из десяти естественных причин не запрещено употреблять шравакам, тем не менее, в Махаяне любое мясо строго запрещено. И поэтому, Махамати, я никому не давал позволения есть мясо³⁶. Я этого не разрешал и никогда не разрешу. Всем, кто носит монашеские одеяния, о Махамати, я говорю, что мясо — неподобающая еда. Глупцы, ввергнутые в заблуждение силой собственной кармы — те, кто чернит мое имя, говоря, что даже Татхагата ест мясо — будут страдать, лишённые всякой радости, долго и беспросветно. Более того, Махамати, мои благородные шраваки, по сути, не едят даже обычной пищи; насколько же меньше может их порадовать такая пагубная еда, как мясо и кровь? О Махамати, шраваки, пратьекабудды и бодхисаттвы вкушают пищу Дхармы, которая ни в коей мере не материальна. Так что же говорить о пище татхагат? Махамати, татхагаты — это дхармакая; их поддерживает пища Дхармы. Их тела не состоят из чего-либо вещественного и не питаются материальной едой. Они отрицали все сансарные устремления, жажду существования и вещи этой жизни. Они не зависят от всевозможных вредных и загрязняющих склонностей, их умы полностью освобождены в мудрости. Они знают всё, они видят всё. Они наполнены великим состраданием и любят всех существ так, как будто это их единственные дети. Поэтому, о Махамати, раз я считаю всех существ своими детьми, то как я могу разрешить шравакам поедать плоть моих детей? И как я могу участвовать в этом? Неправильно говорить, что я разрешил шравакам есть мясо и что я сам ел его. Потому что:

Бодхисаттвы, могучие существа,
Не употребляют алкоголя, они не едят
Мяса, чеснока и лука.

Этому учили Победоносные, вожаки, за которыми мы следуем.

Но обычные люди употребляют дурную пищу, Они поступают неподобающе.

Ведь плоть — это еда хищников, блуждающих в поисках добычи.

Будда учил, что это неподобающая пища.

Все изъяны, проистекающие от употребления мяса, Достоинства, приходящие в результате отказа от него, И все, что может стать с тем, кто так питается — Все это, о Махамати, тебе надо понимать.

Любая плоть — животных, а также и твоих друзей
Произошла от нечистых субстанций — крови и семени;
И те, кто питается плотью, становятся источником страха.
Поэтому йогинам следует воздерживаться от
употребления мяса.

Все виды плоти, любой лук и чеснок,
Всевозможные алкогольные напитки,
А также лук-порей и дикий чеснок — это, поистине,
Та пища, которую йогины должны отвергнуть.
Они отказываются от растираний тела маслами,
И так как на кровати
Существа входят в лоно страдания,
На них йогины не спят и не отдыхают.

От такой пищи возникает гордость эго,
А из этой гордости — все мысли, и далее
Страсти и желания возникают со всей мощью.
Поэтому от всей этой еды тебе лучше отказаться.
Поистине, из мыслей возникает страсть;
А страсти отупляют ум.
Далее, тупость нарушает равновесие элементов в теле;
Возникают болезни, и с каждым движением они
усугубляются.

Ради получения выгоды животных убивают,
Богатства отдают в обмен на мясо.
Убийца и покупатель — оба запятнаны проступком,
И оба будут вариться в адах стенаний.
Все, кто поступают вразрез со словами Будды,
Кто с неблагой мотивацией ест мясо,
Разрушают свои жизни — как нынешние, так и будущие,
И нарушают порядок, проповеданный Шакьямуни.
Такие люди, деяния которых злы, желают
Того, что приносит им вечно длящийся ад;
Участь тех, кто ест мясо, —
Оказаться в доме ужасающих стенаний.
Не бывает мяса, обладающего тремя видами чистоты³⁷
И потому ты должен воздерживаться от употребления
плоти.

Те, кто являются истинными йогинами, не едят мяса:
Это наставление и мое, и всех будд.
Существа, поедающие друг друга,
Вновь рождаются плотоядными и зловонными зверями.
Безумные или всеми презираемые,
Они рождаются среди изгоев:
Мясниками, красильщиками, проститутками — в самых
низах;
Или пожирающими плоть зверями и призраками.
И после нынешней человеческой жизни
Они вернутся как кошки или злые духи.

Итак, во всех учениях я порицаю употребление любого
мяса:

В *Паринирвана-* и *Ангулимала-*,
Ланкаватара-, *Хастикакшья-* и *Махамегха-сутрах*³⁸.
Поэтому и будды, и бодхисаттвы,
А также и шраваки осуждали
Столь постыдную еду, как плоть существ.
Она ведет к безумию во всех будущих жизнях.

Но если вместо этого ты откажешься от мяса и прочей
зловредной пищи,
То родишься в чистом человеческом теле,
Йогином или человеком, обладающим мудростью
и богатством.

Если ты видел или слышал, или подозреваешь, что
животное было убито для еды,
То есть его мясо я строжайше запрещаю.

Те, кто родился в семьях, где едят мясо,
Ничего об этом не знают, как бы умны они ни были.
Так же, как страстное желание является препятствием
к свободе,

Таковы же алкоголь и мясо.

Люди, которые едят мясо,

В будущем станут невежественно говорить, что Будда
провозгласил

Употребление мяса безгреховным и приемлемым.

Но йогины, умеренные в пище

И относящиеся к ней лишь как к лекарству,

Не должны есть плоть существ, которые для них как дети.

Тех, кто держится компании

Тигров, львов и коварных лисиц,

Я осуждаю — я, пребывающий в любви.

Употребление мяса противоречит

Дхарме, пути к освобождению.

Тем, кто практикует Дхарму, следует воздерживаться от
мяса,

Потому что, употребляя его, они становятся источником
страха для существ.

Отказ от мяса — это знамя победы благородных существ».

Так заканчивается шестая глава *Ланкаватара-сутры*, — являю-
щейся квинтэссенцией учений будд, — которая посвящена
вопросу употребления мяса.

Следующий отрывок взят из *Махапаринирвана-сутры*:

«Потом бодхисаттва Кашьяпа обратился к Благословенному Господину и сказал:

— Господин, ты не ешь мяса, а есть мясо поистине неподобающе. И спроси меня кто-нибудь, почему это так, я бы ответил, что те, кто воздерживается от него, обладают восемью превосходными качествами.

— Очень хорошо, — ответил Будда Кашьяпе. — Ты хорошо постигаешь мою мысль. Поистине, такое понимание должно быть у бодхисаттв, хранителей моего учения. Сын моего рода, даже шраваки, которые держатся близко ко мне, не должны есть мяса. Даже если верующие люди подают им в качестве милостыни мясо, они должны отпрянуть от него, как отпрянули бы от плоти собственных детей.

Тогда бодхисаттва Кашьяпа спросил Будду:

— Но почему же, о Господин и Татхагата, ты запрещаешь употреблять мясо?

— Сын моего рода! — ответил Господин. — Поедание мяса разрушает отношение великого сострадания.

— Но в прошлом, о Господин, — спросил Кашьяпа, — разве ты не разрешал употребление мяса, которое оказывалось подходящим после трех проверок?

— Да, — ответил Будда. — Я разрешил употребление мяса, которое признается подходящим после трех проверок, чтобы помочь тем, кто борется с привычкой есть мясо.

— Тогда почему, — спросил Кашьяпа, — ты запретил употребление десяти видов непроверенного мяса и так далее, вплоть до девяти видов проверенного?

— И это я сделал, — сказал Будда, — чтобы помочь моим последователям в преодолении этой привычки. Вкратце, все подобные меры предосторожности я ввел с одной целью: чтобы употребление мяса прекратилось.

— Но почему, — спросил Кашьяпа, — Татхагата позволил есть рыбу как полезную пищу?

— Сын моего рода! — ответил Будда. — Никогда я этого не делал! Я характеризовал как полезные различные виды пищи: сахарный тростник, рис, черную патоку, рожь, ячмень и так далее; молоко, творог, масло сливочное и растительное и тому подобное. Я также разрешил своим последователям носить разные виды одежды. Но хоть я это и позволил, все их одежды должны быть соответствующего цвета! Как же я мог позволить есть рыбу, просто чтобы удовлетворить желания тех, кто хочет ее есть!

— Если бы ты разрешил употребление рыбы, — сказал Кашьяпа, — то тебе было бы бессмысленно рекомендовать пять вкусов, или молоко, простоквашу, пахту, сливочное масло, топленое масло, кунжутное масло и так далее. Было бы логично тебе запретить их так же, как ты запретил украшения, кожаную обувь, золотые и серебряные сосуды³⁹.

Будда сказал:

— Сын моего рода, мое учение не похоже на учение нагих аскетов. Я, Татхагата, установил правила [нравственной] дисциплины в соответствии с личными особенностями [учеников]. Поэтому, с особой целью, я действительно дал позволение есть мясо, которое признается допустимым к употреблению после того, как его подвергли трем проверкам. В другом контексте я запретил десять видов мяса. И, опять-таки, для других людей, я сказал, что не подобает есть любое мясо, даже животных, погибших своей смертью. Но я подтверждаю, о Кашьяпа, что впредь всем тем, кто близок ко мне, следует воздерживаться от мяса. Потому что те, кто ест мясо, идут ли они, сидят, стоят, лежат или даже спят, являются источником ужаса для животных, которые их чувствуют, — так же, как любой пугается запаха льва. Сын мой! Люди,

которым не нравится запах чеснока, отворачиваются от тех, кто его ест. Какая нужда в том, чтобы говорить о недостатках такой еды? То же самое с употребляющими мясо. Когда животные чуют запах мяса, они ужасаются; они боятся, что их убьют. Любое животное в поле, в реке, или летающее в небе, убегает, думая, что этот человек и есть их враг. Вот почему я не позволяю бодхисаттвам есть мясо. Правда, что они могут делать вид, будто едят мясо, в качестве средства, приводящего существ к освобождению. Но даже если кажется, что они употребляют мясо, это не так. Сын моего рода! Бодхисаттвы воздерживаются даже от чистой пищи, насколько же серьезен их отказ от мяса!

Сын мой! Случится так, что после того, как я уйду в нирвану, и после того, как арьи (даже те, кто наделен безграничной жизнью благодаря четырем благородным путям)⁴⁰ уйдут за пределы печали, святая Дхарма придет в упадок. От нее не останется ничего, кроме бледной тени. Монахи будут лишь притворяться, что соблюдают [нравственную] дисциплину, а чтение и повторение ими сутр будет поистине поверхностным. Они будут жадными до еды, чтобы поддерживать физическое тело; они будут одеваться в черные мрачные одежды. Они будут крайне далеки от благородного поведения. Они будут заботиться о крупном скоте и об овцах. Они будут носить дрова и сено. У них будут длинные волосы и ногти. Все это придет, чтобы пройти. Они могут одевать шафранные одежды, но не будут отличаться от охотников. Они могут быть кроткими и ходить, опустив глаза, но при этом будут скорее подобны кошке, выслеживающей мышь. Они снова и снова будут заявлять, что укротили свои эмоции, но их все время будут изводить боли и болезни, дремота и загрязнения. Лицемеры, они усвоят внешние обычаи религии, но внутренне окажутся в тисках злости, зависти и желания — и ничем не будут отличаться от тех, кто

следует ложным религиям. Они не будут добродетельными, их благочестие будет лишь притворством. Они будут придерживаться ложных взглядов и критиковать истинную Дхарму. Люди, подобные этим, будут искажать принципы [нравственной] дисциплины, установленные Татхагатай: учения Винаи, учения о пути и плоде совершенной свободы. Они замарают мои учения об избегании невнимательности. Они извратят даже самые глубокие учения и выдумают собственные сутры и правила поведения. Они будут говорить и писать, что Татхагата дал им позволение есть мясо, и что таковы слова Будды. Они будут враждовать друг с другом, и каждый станет заявлять, что он — дитя добродетельного Шакьямуни.

О мой сын! Это будет время, когда монахи станут тайком копить зерно и есть рыбу. У них будут изысканные блюда для масла и зонтики из драгоценной материи, они будут носить кожаную обувь. Учения, которые они будут давать царям, сановникам и простым домовладельцам, будут лишь искусством толкования знаков, астрологии, гадания, ухода за телом. Они будут держать прислугу, женщин и мужчин, пользоваться золотом и серебром, драгоценными камнями, сапфирами, хрусталем, жемчугом и кораллами; будут носить ожерелья и наслаждаться всевозможными фруктами. Они будут состязаться и развлекать себя живописью и скульптурой. Они будут учить литературе, они будут вспахивать свои поля, выращивать урожай. Они будут накладывать проклятья, готовить лекарства и лечить наговорами. Они будут учить музыке, танцам и пению и всевозможным ремеслам, таким как изготовление благовоний, цветочных гирлянд, плетение корзин. Но тебе следует понимать, что только те, кто оставил подобные бесполезные дела, действительно близки мне.

— Господин, — сказал Кашьяпа, — монахи, монахини и мирские практикующие, — все зависят от благотво-

рителей. Когда они отправляются за подаянием и получают мясо, что им следует делать? Как им его рассматривать?

— Они должны отделить, — ответил Будда, — мясо от остальной еды, которую надо помыть и после этого съесть. Если случилось, что их чаша запятнана тем, что в ней побывало мясо, но не загрязнена дурным запахом или вкусом, то не будет проступком есть из нее. Но если кто-то дает им много мяса, пусть они его не принимают. Если мясо перемешалось с их едой, то пусть они не едят ее, иначе будет совершен проступок. Если бы я стал объяснять подробно запрет на мясо и все его правила, этому не было бы конца! Но настало время мне уйти за пределы страдания; поэтому я объяснил тебе его только частично».

Вышеизложенное было взято из раздела *Махапаринирвана-сутры* под названием «Ответы на вопросы».

Следующий отрывок взят из *Ангулимала-сутры*:

«Манджушри сказал:

— Будды воздерживаются от мяса по причине татхагатагарбхи.

А Господин добавил:

— Так оно и есть, Манджушри. Нет ни единого существа среди скитающихся в цепи жизней безначальной и бесконечной сансары, которое не было бы твоей матерью или сестрой. Некто, родившийся собакой, может впоследствии стать твоим отцом. Каждое существо подобно актеру, играющему на сцене жизни. Твоя плоть и плоть другого — одно. Поэтому просветленные не едят мяса. Более того, Манджушри, дхармадхату — единая природа всех существ, поэтому будды воздерживаются от употребления мяса.

Манджушри также сказал:

— Есть, Господин, другие, вполне обыкновенные существа, которые тоже воздерживаются от мяса.

— Что бы ни делали мирские люди, — ответил Господин, — соответствующее словам Будды должно рассматриваться как учение самого Будды».

В «Сутре полной внимательности»⁴¹ сказано:

«Если благодаря мудрости, возникшей от слушания учений, монах понимает полностью созревшие результаты действий, и если он поразмыслит о мире прет, или голодных духов, он постигнет состояние существ, которые кормятся кровью. И если монах с мудростью поразмыслит о действиях, которые привели этих существ к такому рождению, то он увидит, что преты — это существа, которые в своих прежних жизнях пили кровь ради удовольствия и для укрепления сил. Также они утопали в грубости, злобе, ревности и алчности. Они обманывали свои семьи и, желая крови, убивали. После смерти подобные люди падали в нижние миры и рождались духами-кровопийцами. В силу своей кармы, они рождаются духами в тех местах, где жили в предыдущем воплощении. Местные жители называют их демонами, делают им подношения, делают обходы вокруг мест их обитания и кровавые жертвоприношения. Такие духи-кровопийцы, опьяненные запекшейся человеческой кровью, наносят вред жителям. И тогда говорится, что они могущественны и могут творить великие чудеса. Что касается продолжительности их жизни, то, куда они не оставят вредоносных действий, а движущая сила кармы не исчерпается, они живут как могущественные преты. Даже когда они освободятся из этого состояния, то будут вести себя подобным же образом, благодаря кармическим послед-

ствиям, и так они будут скитаться в сансаре. Если раз в сотню жизней им выпадет возможность переродиться мужчиной или женщиной, можно заметить, что они станут мирскими даками или дакини.

Если благодаря мудрости, возникшей от слушания учений, монах понимает полностью созревшие следствия действий, и если он поразмыслит о мире голодных духов, он поймет состояние таких существ, питающихся плотью. И если, применив мудрость, монах поразмыслит о действиях, приводящих к такому рождению, он заметит, что эти преты — существа, которые в прошлой жизни вовлекались из-за жадности в торговлю мясом — плотью коров, лошадей, дичи, свиней и овец, — и что они поступали крайне нечестно и мошенничали, продавая его по высокой цене. После смерти такие существа падали в низшие миры и рождались претами — пожирателями плоти. Они становятся дикими и свирепыми духами, постоянно блуждающими по перекресткам, рынкам, улицам, дорогам и пустырям, деревьям и храмам. Воплощение могущественным претой, обладающим чудесными силами, — результат не одних лишь злых и жестокий деяний; благие действия даяния (таких мелких предметов, как растения и овощи) также играет роль. Вот что, по сути, является объяснением их магических сил. Простые люди умиротворяют таких духов, принося в жертву животных: подносят буйволов, диких зверей, змей, овец и прочих. И покуда такие духи, исполненные зла, не оставят своего отвратительного поведения и завистливой злобы, и пока сила их кармы не истощилась, они продолжают перерождаться в таком состоянии. Позже, освободившись от него, они будут демонстрировать то же поведение, и будут скитаться в сансаре, попадая в условия, соответствующие их деяниям. И если один раз в сто жизней — благодаря благим делам — у них появится возможность достичь человеческого рождения

(столь же редкого, как возможность того, что слепая черепаха, поднимающаяся на поверхность океана, попадет головой в ядро, что плавает само по себе на поверхности), они будут есть мясо и станут мясниками, которые разделяют туши животных, и будут работать на бойнях».

В этой же сутре сказано:

«Те, чьи дела злы, заполнят ад Чрезвычайный Жар, испытывая там плоды своих злодеяний. Там они будут вариться в течение сотен тысяч лет из-за намеренно причиненного вреда. Так собственные дурные действия становятся их врагами. Обретя освобождение, они бросятся в бегство, ища защитника, прибежища или помощи. Но в отдалении они увидят своры голодных охотничьих собак, пасти которых раскрыты, зубы подобны точеным алмазам, несущихся на них, окружающих их с жутким лаем. Обитатели ада попытаются убежать, но адские собаки обгонят и сожрут их целиком: с сухожилиями, мясом, суставами, костями, не оставив ничего, ни кусочка — даже размером с горчичное зерно! Тело и конечности будут полностью съедены. И переживание, что их сжирают собаки, будет приходить снова и снова. Сказано, что все это — результат убийства живых существ ради того, чтобы насладиться их мясом».

Следующий отрывок взят из тантры «Сострадательный, встряхивающий глубины сансары»⁴²:

«Если употреблять мясо, то совершаются действия, побуждаемые ненавистью. Поэтому поедание мяса создает

серьезную причину [подобного проступка]. Если пить кровь, совершаются действия, побуждаемые глупостью, что является серьезной вторичной причиной. От съедения даже маленького кусочка мяса возникает большее загрязнение, чем от употребления алкоголя. Выпить одну каплю крови животного, собственноручно убитого, — большее зло, чем в течение ста лет есть мясо животных, убитых другими. Так происходит в силу кармического принципа причины и следствия. Существа трех миров пугаются при виде того, что они называют кровью. А когда они видят, как ее пьют, существа трех измерений бытия падают в обморок. Все виды кармических омрачений производятся таким образом.

Что касается алкоголя, то, если пить, но, напиваясь, не совершать неблагих дел, обретается (причина) одного рождения среди прет. Но если совершить злодеяние, последует рождение в горячих адах. Если есть мясо животных, которых сам не убивал, результатом будет переживание одной жизни (длящейся кальпу) в аду. Если есть мясо зверей, которых сам убил или побудил к этому других, то придется провести в аду сто тысяч кальп. Если вкушать кровь животного, убитого другим, то следствие будет также аналогично причине. Следовательно, если выпить количество крови, равное кувшину пива на двадцать человек, то родишься в местах, где в течении кальпы не услышишь даже слов «Три Драгоценности». А если пить кровь на протяжении жизни, то будешь скитаться в сансаре бесчисленные кальпы. Питие крови живых животных приводит к семи перерождениям в виде животного. Если лишь раз выпить кровь животного, которое сам убил, то родишься в аду, где будешь вынужден пить расплавленную бронзу. Если съесть еще теплые мясо и кровь животных, которых сам убил, в количестве, равном размеру собственного тела, то в следующей же жизни родишься в аду расплавленной бронзы, где придется

оставаться кальпу. Если есть красное сырое мясо и пить сырую кровь, то через семь жизней родишься в адах, где в рот будут заливать расплавленную бронзу. Если есть приготовленные мясо и кровь, то родишься в адах расплавленной бронзы через десять жизней. Мясо и кровь, таким образом, являются пищей, приносящей гибель в трех мирах.

Употребление мяса, которое переходило из рук в руки множества владельцев, является менее тяжким проступком. Например, если есть мясо, прошедшее через сотню рук, то будешь страдать от рождения в аду только через сто жизней. Аналогично, употребление мяса, прошедшего через десять рук, вызовет адское существование через десять жизней, и так далее в той же пропорции.

Точно также, хуже есть мясо убитого животного, чем есть мясо животного, умершего по естественным причинам. Хотя бы один раз съесть мясо животного, которого убил сам, в сто раз хуже, чем есть мясо животного, убитого другими. И есть мясо животного, убитого по твоей просьбе, в десять раз хуже, чем животного, убитого собственноручно. Следует понимать, как применять эту шкалу измерений. Сказано также, что если продолжительное время употреблять мясо, кровь и алкоголь, которые питают три яда, то проявятся пять загрязняющих эмоций».

В тантре «Воплощение мудрости»⁴³ написано так:

«Мясо и кровь — очень нехорошая еда, она дает сильный запах. Духи, питающиеся запахами, придут и украдут жизненную энергию и физические сущности тех, кто ест мясо, что приведет к потере сияния их здоровья... Если жаждать пяти великих субстанций, таких как мясо и кровь, смотря на них как на действительно существую-

щие, то в конце концов станешь духом, питающимся запахом крови».

Аналогично, в тантре «Воплощение ригпа»⁴⁴ написано:

Когда существа питаются плотью и запекшейся кровью,
Отвратительной и зловонной едой,
Злые духи, кормящиеся запахами,
Находящие по нюху кровь,
Украдут их жизненную силу,
Отнимут их сияние и здоровье.
Почему эти люди идут на поводу своих желаний?

Если действительно желать пяти великих субстанций, например крови, считая их реально существующими, переродишься опасным духом, кормящимся вонью крови и принимающим устрашающий облик одной из семи матерей. Любой, кого уносит подобная зависимость, будет скитаться в стране Ланка в облике отвратительной демоницы — пожирательницы мяса.

В соответствии с текстом *Амогха Паши*⁴⁵, принадлежащим к крия-тантре:

«Алкоголя, мяса, чеснока, дикого чеснока, лука-пороя — по отдельности и смешанных с другой едой — нужно особенно избегать».

В другом тексте⁴⁶, принадлежащем к той же тантре, сказано:

«Те, кто не хочет нарушить предписания, должны полностью воздерживаться от алкоголя, мяса, лука, лука-пороя и остатков подношений богам».

В «Тантре Акшобхьи»⁴⁷ написано:

«Творог, молоко, масло, сладкие субстанции, сладкие жареные блины, хлеб и рис нужно употреблять умеренно. Вся зловонная пища должна быть отвергнута — такая, как мясо, алкоголь, чеснок и так далее».

В «Лотосовой сети», коренной тантре Владыки Авалокиты⁴⁸, сказано:

«Несвежие подношения, чеснок, испачканная или испорченная еда, мясо и еда из рук мясников, вода, в которой плавают насекомые, — все это должно быть отвергнуто».

В «Кратком изложении Махаяны»⁴⁹ Ачарьи Кришнапы сказано:

«Всегда нужно воздерживаться от мяса, рыбы, алкоголя, чеснока, редиски; и, точно также, всегда нужно воздерживаться от покраски тканей⁵⁰, выжимания кунжутных зерен, земледелия и так далее».

В «Кратком изложении воззрений»⁵¹ учитель, прославленный как Джамьянг Мии Ванпо, говорит:

«Учителя и домовладельцы, религиозные люди и аскеты, которые едят мясо и пьют алкоголь, станут претами, когда умрут... Родителям не следует давать своим детям мясо и рыбу в качестве еды и алкоголь в качестве питья. Детей надо кормить, например, молоком и маслом, но не мясом».

В своих «Этапах медитации»⁵² Камалашила говорит:

«Когда йогины медитируют, они всегда должны воздерживаться от употребления мяса, рыбы и тому подобного. Потому что такая еда противоречит их медитации. Они должны быть умеренными в манере питаться».

В «Медитации без мысли»⁵³ Вималамитра говорит:

«Йогины всегда должны избегать употребления мяса и рыбы. Они должны съесть надлежащее количество и есть ту пищу, которая соответствует учениям».

Гялсэ Тогмэ также говорит:

Когда существа умирают своей смертью, —
Те, кто был с безначальных времен, нашими
любимыми родными и близкими, —
Мы рыдаем. И это показывает, насколько неправильно
Есть плоть зверей, убитых ради мяса.

Аналогично, в коренной тантре Калачакры сказано:

Порочные люди, которых трудно чему-либо обучить,
Убивают безобидных зверей
Для подношений богам и предкам,
Чтоб обрести защиту, прибыль, достичь целей.
Покупать мясо, желать его съесть, — поистине
злодеяние.

Этот отрывок говорит о том, что если хочешь питаться мясом и покупаешь продукты, о которых известно, что этих животных убили для продажи, то совершаешь неблагое действие.

В комментарии к *Калачакра-тантре*⁵⁴ говорится:

«Не следует покупать мяса, не следует приносить животных в жертвы богам и духам предков. Потому что Будда никогда не позволял есть «меченое мясо». А под «меченым мясом» он подразумевал плоть животных, убитых и купленных для еды, а также животных, помеченных для жертвоприношений».

Особенно важно, что никому нельзя есть мясо людей. В *Винае-сутре* отмечается, что «плоть людей не следует употреблять ни при каких обстоятельствах». Обширный комментарий на этот текст⁵⁵ идет еще дальше и отмечает, что «если кто-либо ест человеческую плоть в медицинских целях или по любой другой причине, то совершает нарушение». Поедая красное сырое мясо (животного) в случае, если это не нужно для лечения болезни, совершаешь нарушение. В *Винае-сутре* говорится, что «употребление сырого мяса не для лечебных целей является нарушением», а к этому обширный комментарий добавляет, что «если есть сырую плоть в рамках практики Мантраяны и так далее (когда это не нужно для лечения), совершаешь нарушение, связанное с остаточным проступком⁵⁶ — спровоцировать разногласия в сангхе. К тому же, это создаст причину для рождения злым духом». И еще в *Винае-сутре* сказано: «Не следует есть ни мясо тигров, ни плоть слонов, лошадей и змей. Не следует есть ни мясо животных с нераздвоенными копытами, ни мясо лисиц, обезьян, дятлов, ворон, грифов, водных птиц, собак, кошек, ястребов,

сов и прочих стервятников, серых уток, летучих мышей, снежных ящериц, человекообразных обезьян и насекомых».

Комментируя *Ланкаватара-сутру*, настоятель Джнянаваджра написал следующее:

«Весь спектр учений Будды, начиная от первого поворота колеса Дхармы, начало которого — Четыре благородные истины, и заканчивая учениями Видьядхара-питакки⁵⁷, охвачен обетами и заповедями пратимокши, бодхисаттв и видьядхар. Предписания, связанные с употреблением пищи, составляют три постепенных шага на одном пути. По этой причине даже мясо, отмеченное тройственной чистотой, которое позволено есть шравакам, запрещено для практикующих высших колесниц. Это сделано для того, чтобы избежать нарушений высших, крайне важных предписаний. Плоть животных, которые умерли одной из десяти естественных смертей, не запрещена шравакам. Но в высших колесницах, для того, чтобы привести плотоядных духов на путь, и чтобы практикующие не причиняли вреда существам ни прямо, ни косвенно, любое мясо, в любое время и в любых обстоятельствах, строго запрещено. Нет особых условий, при которых его можно есть... Даже пищу риши, подобную лекарству, нужно употреблять в меру. От мяса нужно всегда воздерживаться, зная, что это бесполезная еда».

Другой комментатор *Ланкаватара-сутры*, Ачарья Джнянашрибхадра, написал так:

«Всеведущий провозгласил, что есть мясо и побуждать к этому других — дурной поступок, потому что является причиной принесения вреда существам. Будда запретил употребление всего мяса, не отвечающего трем качествам чистоты, но он не считал неправильным вкушать мясо,

обладающее ими. Мясо, обладающее абсолютной тройственной чистотой — это мясо животных, которых ты не убивал, не просил убить и не видел, чтобы их убивали. Если без дурных намерений и без ожиданий мы поднесем кому-либо такое мясо, — так же, как могли бы поднести в пищу рис, то оно вполне чисто и полезно, как лекарство. Но даже такое мясо запрещено бодхисаттвам, которые практикуют сострадание. И особенно оно запрещено практикам Мантраяны. Потому что у них есть обязательство уважать существ и поистине видеть в них божеств-йидамов. Освобождение достигается только тогда, когда избавишься от малейшего желания ощущать вкус чувственных объектов».

Записаны такие слова царевича по имени Твердый в вере⁵⁸:

«Слушай меня, о царь демонов — пожирателей плоти! Все, кто убивает животных и питается их плотью, проживут недолго, и большинство из них отправится в ад. Там другие будут убивать и пожирать их в качестве расплаты. Потому что кармические следствия аналогичны причине. Слушай меня, о царь демонов — пожирателей плоти! Есть много таких, кто гибнет из-за того, что держался дурной компании. Если ты ешь мясо и кровь существ, которые были твоими родителями, то отправишься в ад».

А великий Владыка Атиша сказал:

«Внутренне — вымети загрязнения пяти ядов. Внешне — отмети всю физическую грязь. Между этими двумя — вымети всю промежуточную нечистоту лени и безразли-

чия. Отмети плохую еду: мясо, чеснок, лук и алкоголь. Избавь себя от нечистого и неподходящего питания. Те из вас, кто живет подаянием и ест в определенные часы — отметите нечистоту употребления пищи в ненадлежащее время».

Как-то давным-давно лама-кадампа Шангтон Дарма Гялцен и Чангчуб Сангпо встретили на дороге в Дам торговцев чаем. Они попросили милостыню. Один из купцов, кхампа, поднес им сушеного мяса — бока и задние ноги животного. «Увы! — воскликнул Чангчуб Сангпо, — это нижняя часть тела моей матери. Сколько его хранили для меня! Как могу я, ее ребенок, есть ее плоть? Если мы, носящие одеяния учеников Будды, станем есть плоть наших матерей, значит, мы поистине превратились в шакалов!» Он начал читать мантру *Ом камкани камкани*⁵⁹ и сел, погружившись в задумчивость. Неотесанный кхампа, испугавшись, поспешно простерся перед ним и убежал, захватив с собой мясо.

Шангтон улыбнулся Чангчубу Сангпо и сказал: «У твоих родителей была вера в Дхарму, и давным-давно ты оставил деревенскую жизнь и принял обеты у хорошего ламы. Потом ты хорошо учился, и твое чувство печали при виде плоти животного, некогда бывшего твоим родителем, — поистине великое чудо. Только сейчас, прожив в этом мире уже много лет, я вижу подобную вещь!»

Когда другой старый кхампа спросил его, к какой традиции он принадлежит, Шангтон-лама ответил, что он монах-кадампа.

«Я принимаю прибежище в кадампах! — воскликнул старый кхампа. — Я надеюсь, что большой монастырь кадампа будет основан и в Кхаме!»

В «Сутре, описывающей кармическую причину и следствие»⁶⁰ написано:

«Если ты ешь мясо и грызешь кости, то потеряешь зубы!
Если ты ешь кишки и мясо собак и свиней, то переродишься в адском окружении, наполненном отбросами.
Если ешь рыбу, очистив ее от чешуи, то родишься в аду деревьев-мечей».

А драгоценный учитель Дромтон провозгласил:

«Вы, практики, самоотверженно отдающие собственные плоть и кровь, но, тем не менее, вкушающие плоть ваших родителей и пьющие их кровь, как вы будете стенать, когда вас снова и снова будут преследовать и заставлять оплачивать за их жизни вашими собственными!»

Как-то в прошлом жил хороший, сострадательный индийский учитель, который посетил Тибет. Внимательно со всем там ознакомившись, он высказался так: «Я заметил, что чем бы ни занимались тибетские практикующие, — все отлично. Тем не менее, все они едят мясо; они не воздерживаются от него, и это нехорошо».

Великий лама Джамьянг Гямцо сказал:

«Все явления возникают взаимозависимо. Благодаря причинной связи, которая существует между потребителями мяса и убийцами животных, потребители сами создают причину и предлог для злодеяния — убийства. Как следствие, кармический результат забоя коровы, например, созреет и для потребителя мяса, и для убийцы. Единственная разница заключается в степени последствий».

Это неизбежный факт. Причина этому, как говорят кадампы, — то, что вкушающий мясо совершает действие, аналогичное убийству. В результате этого употребление мяса запрещено как в Хинаяне, так и в Махаяне. Поэтому пусть все практикующие воздерживаются от употребления мяса, насколько возможно».

В «Драгоценной груди»⁶¹ отмечается:

«Позволение есть мясо и рыбу — это учение, которое нуждается в толковании. Потому что Будда сказал, что если бы он запретил мясо с самого начала, то некоторые никогда не ступили бы на путь. Поэтому постепенное исключение мяса — проявление его искусности. С другой стороны, в качестве противоядия от тех, кто заявляет, что одно лишь воздержание от мяса является великой и самодостаточной практикой, Будда заявил противоположное, сказав, что употребление мяса не является преградой на пути. Он сказал это, чтобы заставить замолчать тех, кто считал, что из-за вегетарианства они превосходят всех остальных. Однако, на самом деле, употребление мяса осуждается как в Хинаяне, так и в Махаяне. Оно одинаково запрещается там по той простой причине, что влечет за собой действие, которое сродни убийству. Особенно Будда подчеркивал, что бодхисаттвы должны воздерживаться от мяса».

Однажды, давным-давно, благородный Катьяна заразился оспой, и доктор сказал, что ему нужно принимать мясо и кровь козла и мазать ими кожу. Но Катьяна ответил, что он лучше умрет, чем нарушит заповеди. Он не стал есть мяса и поэтому ушел за пределы страдания.

Когда владыка Таклунг Тангпа был на пороге смерти, его попросили съесть немного супа с жиром, что излечило бы его болезнь. «Всю жизнь, — ответил он, — я смог придерживаться заповедей. Зачем же мне нарушать их сейчас, когда я стою на пороге смерти?» Он пренебрег советом врача и потому умер.

Есть много подобных историй. Многочисленные рассказы донесли до нас, как Атиша, Дрикунг Кёбпа и его ближайший ученик, а также Таклунг Тангпа и многие другие великие существа использовали черную патоку, мед и т. п. вместо мяса, и молоко и простоквашу вместо алкоголя. И это было причиной великой радости для Понлоп Лочена⁶². Гоцангпа Нацок Рангдрол говорил, что его чрезвычайно вдохновляла практика Атиши, Таклунга Тангпы и других великих существ, особенно когда он видел, как большинство монахов в его время готовили подношения ганачакры — используя алкоголь просто в силу желаний и употребляя его самым обычным образом.

Есть история о том, как давным-давно, во времена Будды Дипамкары, в городе Друча у одного уродливого мужчины и его красивой жены-брахманки родился сын с красными глазами и острыми собачьими клыками. Даже будучи ребенком, он рвал на части червей и мух и жадно их поедал. Когда он вырос, то убивал диких зверей и рыб, когда только мог, и ел мясо и пил вино безо всякой сдержанности. В результате он погиб, заколотый в сердце черным отравленным кинжалом. Он мгновенно провалился в ад, где его рвали на куски и поедали заживо дикие плотоядные животные, в то время как демоны-мучители вливали ему в рот расплавленный металл. Он вопил: «Потому как в прошлой жизни я ел плоть животных, теперь дикие звери пожирают мою плоть. Так как я желал мяса и крови, теперь другие хотят сожрать меня. Мясо казалось таким вкусным, когда я его ел, но теперь, когда полностью созревшее следствие проявилось, как все ужасно! Питание вина привело к тому, что служители ада вливают расплавленный металл мне в рот. Так как я пил безудержно, те-

перь другие истязают меня без передышки. Алкоголь казался таким вкусным, когда я пил его, но теперь, когда я чувствую полностью созревшее следствие, как мне жутко!» Впоследствии он переродился претой и снова испытывал ужасные страдания.

А еще был царь Сэнге Бансанг, чей рацион состоял исключительно из мяса. Со временем его страсть к мясу достигла такой степени, что он съел маленького ребенка. Его двор и его народ сбежали от него. От этого он жутко страдал, а после смерти переродился в низших мирах.

Давным-давно царевич Твердый в вере отправился в страну ракшасов и спросил демона-стражника, почему тот его не съел, на что получил следующий ответ: «Твой учитель Шакьямуни, — крикнул ракшаса, — даровал нам, демонам-пожирателям плоти, обеты упавасы⁶³, которые надо соблюдать каждое полнолуние. Он объяснил нам многочисленные дурные последствия употребления мяса и сказал, что мясо, которое мы едим, в действительности — плоть наших бывших отцов и матерей. Он посоветовал нам отказаться от него. Но так как мясо и кровь — наша естественная пища, мы не можем все время без нее обходиться, и поэтому мы поступаем так в пятнадцатый день месяца. Если кто-либо из людей приходит сюда в этот день, мы не только не вредим ему, но даже помогаем!»

И еще рассказывают, что царь Чомэ поднес царю Паво мясо оленя и спросил, станет ли он есть его. Последний ответил, что не станет, потому что свежее красное мясо не подходит есть даже плотоядным духам, не говоря уже о людях. И, наконец, рассказывают историю о том, что когда два йогина, практикующих садхану Хаягривы и Варахи, были уже на пороге обретения сиддхи, они съели немного конины и свинины. Это создало препятствия для сиддхи, которые поэтому не были достигнуты.

В «Незапятнанном свете»⁶⁴, великом комментарии на *Калачакра-тантру*, сказано, что Владыка Будда предсказал,

что йогины Мантраяны станут есть мясо, но что мясо само по себе всегда является продуктом убийства. Если бы люди не убивали животных ради мяса, им не причиняли бы вреда. Без того, кто ест мясо, нет и убийцы животного. По этой причине и мясоед, и мясник одинаково виновны в убийстве. Кроме того, практикующие Тайную Мантру должны ежедневно соблюдать четвертую самую (из четырнадцати коренных самой)⁶⁵. Таковы, вне всяких сомнений, наставления Владыки.

Досточтимый Миларэпа сказал:

Звери, которых вы убиваете и едите, безобидны;
Вы готовите напиток и пьете, чтоб напиться,
И создаете причину для ада Оживание.
О, не прыгайте в пропасть с открытыми глазами!
Будьте осторожны, боги и люди, будьте осторожны!
Уколовшись шипом, вы не в силах выносить боль,
И все же убиваете и едите плоть живых существ.
Как острые будут шипы в аду Оживание,
Когда с ваших горящих конечностей будут сдирать кожу!
Поэтому уберите ужасное кроваво-красное мясо.
Вот оно, неиспорченное и нетронутое;
Берите и используйте его сейчас, как пожелаете!

В краткой биографии владыки Пагмо Друпы рассказывается, что он бережно относился к трем упражнениям [ума] и полностью воздерживался от всей дурной пищи вроде мяса. Он не ел даже супов, приправленных животным жиром. Более того, когда, отравленный, он был на краю смерти, ему сказали, что если выпить чашу пива, благословленного мантрами, он излечится. Но он не принял этот совет и рискнул жизнью.

Царь-лама Еше О однажды обратился к тибетскому народу, который, как он считал, практиковал неправильно, с таким посланием:

Мало ваше сострадание — меньше, чем у людоедов!
Велика ваша любовь к мясу — больше, чем у ястребов
и волков!

Сильно ваше вожеление — вы хуже быков и ослов!
На выпивку вас налетает больше, чем ос и комаров!
Ваша чувствительность к грязи и чистоте меньше, чем
у собак и свиней!

Перед божествами у вас —
Место испражнений, мочи, спермы, крови —
Увы, ваша дорога ведет в болота из гниющей плоти!
Вы попираете учения Трипитаки,
Увы, вы родитесь в адах Предельных мучений!
Всех животных, которых вы должны вести
к освобождению, вы просто убиваете,
Увы, ваши деяния созреют в виде рождения
ракшасами!
Ваша жажда блаженства соития —
Увы! — приведет к рождению паразитами, кишащими
в утробе!

Всеведущий Чангкья однажды сказал:

На блюде перед ними, чтобы оказать им честь,
Навалены кости и кровавое мясо убитых животных.
Они размахивают ножами и обсасывают насаженные
на блестящие вертела куски отбивных.
Можно подумать, что они собрались на бой
с полчищем демонов —
Эти монахи, кажущиеся добродетельными, — ох они,
бедные!

Однажды, после того, как было рассказано множество историй о бедах мясоедения, Друкпа Кунле сказал:

«Сказано, что Будда учил, как это неправильно — есть рыбу, свинину и чеснок. К этому я добавлю, что в общих учениях Махаяны Будда запрещает есть любое мясо, потому что это ослабляет сострадание и потому что есть опасность, что употребление мяса вредно для жизни тех, кто его ест, и может даже привести к умственной неполноценности. Однако во всех сутрах и тантрах особенно подчеркивается, что все существа были нашими родителями. Это нечто такое, что каждый может почувствовать и сам убедиться — все они были нашими родителями с безначальных времен. Если бы мы сгрудили кости всех, кто когда-то приходился нам отцом, или собрали вместе молоко, которое нам щедро дарили все, кто был когда-то нашей матерью, три мира не вместили бы их. И если бы люди хорошенько подумали об этом, то кто смог бы есть плоть своих собственных родителей и детей?

Люди думают, достаточно того, что шраваки не желают плоти и воздерживаются от неподходящего мяса. И оправдывая себя обращениями к текстам вроде: «Если шраваки воздерживаются от разрешенного мяса (а именно — обладающего тройственной чистотой), они ведут себя, как Дэвадатта», они едят мясо. Например, вы бы не сказали — не правда ли? — что женщина, на которую не обратили внимания три сексуальных маньяка, — это хороший товар. Поэтому неправильным будет — не так ли? — есть мясо, которым торговали (и которое отбраковали) на трех рынках?⁶⁶ Если люди казуистически придерживаются буквального значения и игнорируют смысл учений, они неправы».

Это слова самого Друкпы Кунле. Более того, однажды, путешествуя, он заметил, что в некоторых монастырях многие монахи любили мясо и жадно скупали его у мясников.

«Такой монастырь, — сказал он насмешливо, — не что иное, как волчье логово! В *Шикишасамуччае* сказано, что

нужно беречь тело с помощью лечебной еды. В ее число не входят рыба и мясо, потому что они запрещены в *Ланкаватара-сутре*, где Будда сказал, что сострадательные бодхисаттвы должны воздерживаться от любого мяса. В *Шикишасамуччае* также написано, что хотя в Винае оговаривается, что тройственно чистое мясо есть можно и отвергать не следует, это сделано для устранения чувства превосходства тех, кто думает, что, воздерживаясь от мяса, они уже обладают наичистейшим воззрением. Это также искусный метод, примененный на благо тех, кто из-за сильной тяги к мясу иначе не смог бы обратиться к учению, хоть они и обладают кармической удачей для этого. Это утверждается и в *Ланкаватаре*, которая сообщает, что учения и правила поведения давались постепенно, как шаги на едином пути. Таким образом, разрешение радовать себя мясом, дарованное на уровне пратимокши, отменяется в Махаяне, где даже употребление мяса животных, умерших по одной из десяти естественных причин, совершенно запрещено».

Что касается постепенного формулирования трех правил поведения, связанных с употреблением мяса, предлагаемых Буддой шаг за шагом, учителя прошлого говорят, что в Винае в первую очередь запрещается употребление плоти человека и животных с нераздвоенными копытами⁶⁷. Затем запрещается мясо вообще — кроме того, что обладает тремя видами чистоты. Эти два правила поведения из Винаи и последовавшее за ними общее правило Махаяны, запрещающее бодхисаттвам есть любое мясо, в том числе животных, умерших своей смертью, и составляют три правила поведения, касающиеся мяса.

Кенце Ринпоче⁶⁸ говорил, что в текстах он всегда встречал только такие предписания, как: «Я не разрешал, не разрешаю и не разрешу есть мясо. Я говорил монашеской сангхе, что есть мясо неподобающе... Начиная с этого времени шравакам не следует есть мясо». И напротив, он говорил, что никогда ему не попадались слова Будды: «Пометьте головы

яков и овец, предназначенных для убоя». Кенце Ринпоче так же говорил, что жители окрестных деревень убивали больших и жирных животных, желая их мяса, и относили печенку и другие куски мяса в качестве подношений ламам и гомченам. «Увы этим людям! — воскликнул он. — Как они щедры и каким чистым восприятием лам они должны обладать! Как они храбры, отваживаясь на такие убийства! Они не задумываются, что убийство — это серьезный проступок! Они полагают, что этот маленький подарок принесет им много пользы и очистит от грехов, и думают, что ламам так же просто освободить существ, как потянуть их за железную цепь. Это совершенно невозможно!» Нагарджуна сказал в «Письме к другу»⁶⁹:

Если б мне надо было скатать по шарикую размером
с ягоду
Для каждой матери, меня родившей,
На это не хватило бы всей земли.

Все существа были нашими матерями, но обычные люди их не узнают, и поэтому могут их убивать. Конечно же, мы, люди Дхармы, не можем есть мясо. Почему? Потому что наши матери и отцы, наши братья и сестры, наши друзья прошлых времен, которые были так дороги нам, — вот они, перед нами! Они стали этими согбенными и ограниченными созданиями, зовущимися животными, которые не знают, что совершать, а что отвергать. У них могут быть рога на голове, они могут ходить на четырех ногах, но они — наши родители и друзья из прошлого. Люди никогда об этом не задумываются. Они заточают животных в клетки и загоны, и это ужасно. А когда эти животные, наши родители, родные братья и сестры, жены и друзья в прошлом, попадают в руки мясников, злых и жестоких людей, не обладающих ни каплей сострадания, они трясутся от страха, их ужас беспределен от одного лишь вида палачей. Их глаза наполняются слезами, они задыхаются от страха. Они думают: «Кто поможет мне

теперь? Мне некуда бежать; я не могу улететь; мне осталась лишь смерть!» Ужас переполняет их, и это страдание хуже, чем если бы они оказались на самом краю полыхающих ям ада. Их швыряют на спину на землю, глаза их вылезают из орбит. И мясник, потирая руки от удовольствия, вспарывает им животы ножом, без малейшего колебания отправляя их на путь к следующей жизни. Что в этом могло бы порадовать ламу! С полной верой в Гуру Ринпоче⁷⁰, я умоляю вас со слезами на глазах: все вы, кто любит меня, не убивайте даже ради спасения собственной жизни. Ведь Будда сказал в «Сутре полной внимательности»: «Тот, кто убил одно-единственное существо, будет вариться в непродолжительном аду одну промежуточную кальпу». Сутры говорят, что дарить мясо, алкоголь, яд и оружие — неблагое действие, как прямо, так и косвенно. Поэтому не подобает дарить мясо. Даже те, кто не знает никаких других практик, должны, по крайней мере, воздерживаться от мяса насколько могут. Да сбудутся эти слова истины!»

Ваджрадхара Рединг Тричен сказал:

«Бодхисаттвы, возделеющие вкуса мяса, ослабляют свое сострадание. От этого надо отказаться!»

В комментарии Кедруба Дже к «Трем обетам» говорится, что в целом только от бодхисаттв требуется воздерживаться от мяса. Поэтому все, кто принял обет бодхичитты, будь то монах, монахиня или мирской человек, обязаны отказаться от мяса. Потому что если бодхисаттвы, ставшие таким образом объектом восхвалений, едят мясо, сильное желание испытывать его вкус будет в них расти. В результате этого их сострадание пойдет на убыль. Поэтому бхикшу, шраманеры, цари,

сановники, правители и миряне, практикующие Махаяну, должны воздерживаться от употребления мяса.

Кедруб Дже предсказал, что даже те, кто принял обет бодхисаттвы, даже те, кто повторил строки бодхичитты сотни раз, не будут считать даже умышленное убийство тысяч животных или побуждение к этому других неправильным; что уж говорить об отказе от мяса! Он был абсолютно прав, и мы можем наблюдать, что в наше время его пророчества сбылись!

Поэтому мы должны рассматривать употребление мяса как противоречащее учениям. Мы обязаны привыкнуть к мысли, что желать мяса — неправильно, и мы обязаны его отвергнуть! Если мы думаем: «Как нам полезно мясо! Какое это чистое и здоровое питание! Какое оно вкусное!», последствие этого будет таково, что, когда бы перед нами ни поставили мясо и кровь — будто это не более чем рис и цампа, молоко и масло — мы почувствуем сильнейшее желание и не сможем устоять. Вот почему Кедруб Дже сказал, что в тот момент, когда мы уже почти отправили его в рот, следует поразмыслить, что мясо — это нечто нечистое, произошедшее из спермы и крови. Кроме того, нам следует помнить, что мясо пришло от существ, которые с безначальных времен были нашими собственными матерями и детьми. И мы должны придти к выводу, что желать их мяса — глубоко неправильно, так же, как было бы в высшей степени ужасно хотеть отведать плоти собственных детей!

Мы должны обдумать опасности, кроющиеся в желании есть мясо, и поразмышлять, в соответствии с учениями, о том, что, отправляясь на охоту и рыбалку, мы превращаемся в мясников и убийц. Если мы покупаем мясо, то побуждаем других убивать животных ради их плоти. Если мы продаем мясо забитых зверей ради получения прибыли и если хотим мяса, то уподобляемся Сэнге Бансангу и царевичу Кангтра, которые убивали людей и поедали их плоть. Почувыв отвратительный запах, животные кинутся бежать от нас. Сказано, что

сиддхи видья-мантры и развитие великой любви и сострадания будут затруднены.

Поэтому, желая мяса, нам никогда не следует говорить, что Виная выступает за его употребление. Сказано, что никогда, даже во сне, не следует говорить, что в мясоедении нет недостатков. Опыт показывает, что когда люди, стремящиеся к просветлению и развивающие бодхичитту, едят мясо, то их сострадание ослабевает, а с ним и устремление. С другой стороны, нас учат, что когда люди себя контролируют с целью обуздать свое желание вкушать мясо, и когда они воздерживаются от любого мяса, обладающего или не обладающего тройственной чистотой, — как от мяса забитых животных, так и животных, погибших своей смертью, — это, поистине, великое чудо!

Даже небуддисты воздерживаются от употребления мяса. Мудрец Суге сказал:

Все те звери, которых ты убил —
Их кровь подобна болоту у твоих ног.
Если так ты направляешься в высшие миры,
То что же должно утянуть тебя в ад?

А Нецо сказал:

Забитые овцы, свидетели твоих убийств,
Их кровь — болото у твоих ног.
Если так ты направляешься в высшие миры,
То что же должно утянуть тебя в ад?

Мудрец Джава сказал:

Один ест, другого едят —
Заметь разницу между ними:
Один быстро набьет живот,
Другой безвозвратно потерял жизнь!
Те, кому понятны страх и боль
Тех, кто знает, что пришел смертный час,
Станут охранять жизни других существ.

Другие ученые и сострадательные небуддийские мудрецы соглашаются, что дать защиту от страха даже одному-единственному существу — поступок несравненный. С ним не сравнится даже дарование гор золота и драгоценностей тысячам брахманов, вместе с поднесением коров и денег. Таково мнение некоторых ученых и сострадательных небуддийских мудрецов.

Если мы честно пытаемся делать все, что согласуется с посланием Будды, независимо от того, пришло ли оно от обычных людей или из небуддийских источников, относясь к этому как к учению Будды, то не поступаем неправильно. В *Калачакра-тантре* говорится, что небуддийские учения, которые действительно превосходны, тоже надо уважать. А в *Ангулимала-сутре* сказано, что надо понимать: все, что согласуется с учением Будды и есть учение Будды. Все это — учение Кедруба Дже.

Итак, мы можем убедиться, что употребление мяса считается неправильным как у буддистов, так и у небуддистов. Тут можно возразить и спросить, почему в *Виная-сутре* Гунапрабха говорит (и это повторяется в великом комментарии к ней), что если шраваки избегают тройственно чистого мяса, которое можно есть, то они поступают подобно Дэвадатте. Мы ответим на это напоминанием, что Дэвадатта постоянно завидовал Будде. Он всячески пытался навредить ему, — например, сбросил на него валун или спустил слона. Кроме того, он создал раскол в Сангхе, сказав тем, кто был к нему близок: «Глядите-ка, весь из себя добродетельный Гаутама ест мясо, а мы его есть не будем, потому что так наносится вред животным». Таким образом, он создал правило, которое казалось более сострадательным, чем заповеди Будды. Таким же образом, если мы, ученики Будды, отказываемся от мяса, потому что хотим почестей, завидуем другим и хотим казаться лучше, чем они, мы и в самом деле ведем себя как Дэвадатта. Но совершенно неправильно сравнивать с Дэвадаттой людей, которые отказались от мяса и прочего из-за истинного состра-

дания и которые не хотят приносить вреда животным ни прямо, ни косвенно. Такие люди подобны самому Будде, или бодхисаттвам, или буддийским практикующим, таким как древние кадампы, или сострадательным небуддийским риши, а также некоторым обычным людям. Совершающий подобную ошибку может решить, что те, кто ест мясо, поступают, как Будда. Но тогда логично было бы изменить текст *Виная-сутры*: мол, если шраваки едят мясо, дозволенное по причине тройственной чистоты, то они поступают, как Будда. Многие люди, несомненно, состряпают и такие тексты и толкования — по одной простой причине, что им хочется мяса.

Считается, что мясоедение приносит Дхарме дурную славу, и запрет, который мы находим в *Ланкаватара-сутре*, обязан своим появлением тому факту, что в определенное время в определенных странах даже практикующие небуддийских традиций, таких как джайнизм, отказываются от мяса. Из-за этого простой народ может говорить, что буддийские монахи хуже их, что приведет к недостатку веры в учение Будды. Это одна из причин, по которым Будда сказал, что мясо есть не следует. Кроме того, так как учение Будды было проповедано из сострадания, ясно, что Будда должен был запретить употребление мяса, думая о других, даже если в каких-то отдельных случаях мясоедение не является проступком.

Конечно, если собрать вместе все тексты, говорящие об изъянах употребления мяса, будь то сутры, тантры, шастры, биографии учителей или их песни постижения, то получилась бы действительно огромная книга.

Мясо — источник препятствий на пути. Оно засеивает семена низших перерождений и крадет жизнь. Безусловно, употребление мяса — это причина принесения вреда другим, ни один другой продукт не приносит столько зла. Поэтому все — учителя, ученики, благодетели — вместе со всеми сострадательными и разумными практикующими, обычными людьми, как монахами, так и мирянами, сильными и слабыми, должны отныне воздерживаться от мяса. Мы должны

считать его нечистым и подобным плоти наших собственных родителей и детей. Надо относиться к нему, как к яду.

Давайте молиться нашему учителю, Будде, представляя его над макушкой, чтобы он благословил нас иметь силы для применения в жизни этих наставлений, и представим поток нектара, текущий вниз и очищающий нас.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ СТИХ

Будда сострадания, наше Прибежище,
Своей мудростью глубоко и ясно зрящий
Три времени — прошлое, настоящее и грядущее,
С любовью и милосердием взирающий на все живое
как на своих любимых детей,
Постоянно пребывай над моей головой и благослови
меня!

Пища из плоти и крови существ — бывших родителей —
Эта дурная еда усиливает желание, которое есть
корень сансары;

И отсекает сострадание — корень Дхармы.
Поэтому все изъяны, от нее происходящие,
Я снова повторяю в строках этой мелодичной песни.

Все вы, вкушающие эту гибельную пищу,
Плоть и кровь существ, что были вам родителями,
Родитесь в Воплях и других пылающих адах,
Чтоб печься там и вариться.

Если едите плоть животных, убитых другими,
Пробудете в этом аду на протяжении всей кальпы.
Но если едите плоть животных, которых убили сами
Или приказали убить другому, то сто тысяч кальп
Пробудете в аду.

И если пьете кровь животных, убитых другими,
На протяжении целой кальпы даже слова
«Три Драгоценности» не коснутся ваших ушей.

Но если пьете кровь животных, которых сами зарезали,
Родитесь в адах кипящего жидкого металла.

Если едите вареную кровь яка,
За семь жизней достигнете тела низкого животного.

А если съедите крови и мяса с собственный вес,
То жизнь длиною в кальпу обретете
В адах кипящего металла.

И через семь жизней та же участь ждет всех тех,
Кто наслаждается сырым красным мясом и запекшейся
кровью,

И через десять — всех тех, кто ест их, приготовив.

Питание плотью диких зверей, что вы убили, ведет в ад;
А если, подобно диким зверям, едите живых еще существ,
Яма, Владыка смерти, зальет вам в рот
Поток кипящего горячего металла.

Сжигаемые внутренним огнем, как будете стенать вы!

Питание плотью рыбы, что вы поймали,

Приведет к рождению в адах Леса Острых Мечей.

А если едите плоть и внутренности собаки или свиньи,
Примете адское рождение в отвратительных болотах.

Все те, кто наслаждается мясом и кровью, сильно их
желая,

Переродятся духами, которые едят и плоть, и кровь.

Если, зарезав коз или овец, иль яков, продаете их мясо,
Родитесь злобным, суровым духом.

Убийство животного для смакования его мяса

Приведет к рождению в адах Чрезвычайный Жар.

Питаясь плотью и кровью, станете

Тигром, львом, волком или лисой, или котом, —
внушающим страх хищником.

А если смакуете человеческую плоть, то станете

Упырем в мужском или женском обличье или же
злойной дакини, пожирающей плоть.

Вам также выпадут рождения изгоем:

Порочным мясником, охотником, злобным вурдалаком.
Из-за того, что ели мясо и кровь без малейшего
чувства стыда,

В будущих жизнях станете безумцем, не умеющим
собою управлять.

Если грызете мясо и кости,

В будущих жизнях потеряете зубы еще в молодости.

Так, во всех тантрах сострадательного Авалокиты
Говорится, что мясо и кровь — еда, губящая три мира.

Как вы себя почувствуете в удушье, с отрубленной
головой и вырванным сердцем,

Когда другие будут есть вашу плоть и пить вашу кровь?

Используйте же ваше тело как основу для
размышлений —

Не ешьте мяса, источника вреда для других.

Чтобы снабдить мир мясом,

Каждый день забивают бессчетное множество существ.

Нет сомнений, что употребление мяса приносит вред

Жизням других существ.

Никакая другая еда не приносит столько смертей.

Поэтому мясо намного хуже алкоголя,

Оно наносит столь тяжкий вред жизням существ.

Так что этой ужасной пищи нужно избегать

Всем, кто сострадателен.

Основная причина перерождений в аду — убийство,

Величайший повод для которого — добыча мяса в пищу.

Именно из-за мяса люди будут убивать коз, овец и яков.

Некоторых они душат, завязывая им рты — как это
ужасно!

Некоторых они ловят живьем и взрезают острыми
ножами,

Держат в руках и наносят удары, чтоб убить — ах, как
это ужасно!

Некоторых колют в бок, рядом с сердцем
И разделяют тушу на две части гарпуном и ножом —
как ужасно!

Некоторых они закалывают в шею
И отрезают головы — как ужасно!
Как много у них способов зарезать жертву,
Убить создание, им бывшее родителем — ох, как ужасно!

Да не станете вы ни в одной из будущих жизней есть
Плоть и кровь существ, что были вам родителями.
Благословением Будды, самого сострадательного,
Пусть никогда вы более не возжелаете вкуса мяса.

НЕКТАР БЕССМЕРТИЯ

С преданностью кланяюсь и принимаю прибежище во всех моих почтенных учителях, владыках и сокровищницах великой любви, которая необусловлена и ни от чего не зависима. Молю благословить меня и других существ великим состраданием, чтобы добросердечие, сострадание и бодхичитта зародились в наших умах.

Во всех рождениях, которые мы принимали в бесконечных кругах сансары, нет такого существа, что не было бы хоть раз нашей матерью. И когда эти существа вскармливали нас, они были к нам так же добры, как наши матери в этой жизни. Это нечто такое, что наш учитель Будда сказал не один раз, а повторял снова и снова. А есть ли кто-нибудь, кто может сомневаться в его словах?

Вот почему мы должны усвоить практику наставлений семи ступеней, чтобы упражнять умы в бодхичитте ⁷¹. Сначала мы должны научиться признавать, что все существа были нашими матерями. Во-вторых, мы должны осознать доброту, которую они к нам проявляли, и, в-третьих, принять решение отплатить за нее. В-четвертых, мы должны почувствовать ко всем ним нежную любовь, а в-пятых — великое сострадание. В-шестых, после этого мы должны развивать необычайную мысль всеобщей ответственности ⁷², и, в-седьмых, придти, таким образом, к непревзойденному результату — отношению

бодхичитты. Подобным образом мы должны снова и снова упражняться в практике уравнивания и замены себя на других⁷³. Потом, призвав в свидетели нашего учителя и Три Драгоценности, мы должны принять обеты бодхичитты — как устремления, так и действия — и хранить их.

Обретя уверенность в том, что все существа были нашими матерями, и достигнув в этом неизменной убежденности, в результате, при виде мяса мы будем осознавать, что это плоть наших матерей. Мы не сможем не то что класть его в рот, но даже брать в руки или чувствовать его запах. Таково послание многих святых учителей прошлого, которые были истинными воплощениями сострадания. Какова причина этого их учения? Козы, овцы и прочие — все были когда-то нашими добрыми матерями. Убивать их, обвязывая морды веревкой, погружая руки в их тела и перерезая жизненные артерии, чтобы можно было поестъ их красного свежего мяса — все это не что иное, как чудовищные действия демонов-ракшасов. Это деяния, которые Будда всячески осуждал, говоря:

«Итак, во всех учениях я порицаю употребление любого мяса: в *Паринирвана-* и *Ангулимала-*, *Ланкаватара-*, *Хастикакшья-* и *Махамегха-*сутрах».

Я не намерен давать здесь подробное описание того зла, что связано с употреблением мяса, так как это было изложено по многочисленным поводам в сутрах, тантрах и шастрах. Вместо этого я предлагаю не более чем краткое и общее объяснение основных моментов.

Сказано, что если мы едим дурную пищу, если поглощаем плоть и кровь существ, которые были нам когда-то матерями и отцами, в будущей жизни мы переродимся в одном из восемнадцати адов — горячем аду Вопли. Так как некогда мы ели их плоть, теперь нам в рот будут засовывать раскаленные докрасна железные прутья, которые будут сжигать наши внутренние органы и выходить снизу наших тел. Мы

будем испытывать бесконечную боль. И даже снова родившись в этом мире, на протяжении пятисот жизней мы будем принимать форму чудовищ и пожирателей⁷⁴. Мы будем демонами, великанами-людоедами, палачами. Сказано также, что мы бессчетное количество раз будем рождаться среди изгоев: мясниками, рыбаками, красильщиками; или же плотоядными животными, жаждущими крови: львами, тиграми, леопардами, медведями, ядовитыми змеями, волками, лисами, кошками, орлами и ястребами. Поэтому ясно, что для обретения высокого перерождения в облике человека или бога, способствующего продвижению по пути к свободе, употребление в пищу мяса составляет главное препятствие.

Особенно нас учили, что изначальная мудрость всеведения возникает из бодхичитты. Бодхичитта, в свою очередь, вырастает из корней сострадания и является окончательным осуществлением искусных средств шести парамит. В тантре «Совершенное просветление Бхагавана Вайрочаны»⁷⁵ сказано: «Изначальная мудрость всеведения возникает из бодхичитты, которая возникает из корней сострадания и является свершением всей совокупности искусных средств». Поэтому говорится, что одним из наибольших препятствий для зарождения бодхичитты в наших умах является страсть к мясу. Ведь пока великое сострадание не возникло в наших умах, основание бодхичитты нетвердо. А если бодхичитта нетверда, то пускай мы хоть сто раз заявим, что идем путем Махаяны, это будет неправдой: мы не бодхисаттвы Великой колесницы. Отсюда должно быть понятно, что неспособность устранить желание есть мясо — это преграда для достижения всеведения. Поэтому все, кто практикует Дхарму, — да и вообще все — должны изо всех сил стремиться оставить эту дурную пищу, плоть своих родителей.

Некоторые возразят: в учениях говорится, что столкнуться можно с кармическим следствием лишь тех действий, которые сам совершил; не бывает следствия у действий, которых не совершал. Поэтому, в соответствии с законом кармы,

если человек не видел, чтобы животное убили для его угощения, или никто не говорит, что его убили с этой целью, или у него нет подозрений, что так могло быть, и он ест мясо этого животного, то не совершает проступка. «Все в порядке, — скажут люди, — мы не причастны к убийству этой овцы (или любого другого животного, о котором может идти речь). Поэтому мы можем быть уверены, что карма убийства не созреет для нас, она созреет для убившего».

Этот довод необходимо внимательно рассмотреть. Давайте представим, что неподалеку от большого монастыря, монахи которого едят мясо, есть ферма. Обитатели фермы посчитали, что если они забьют овцу и весной продадут ее лучшее мясо общине монастыря, то получают с этой овцы прибыль, так как себе они оставят потроха, голову, ноги и шкуру. А монахи, зная, что овца забита, ее мясо заготовлено, придут и купят его. На следующий год семья заведет больше овец и продаст мясо. И если таким способом они хорошо заработают на жизнь, то, когда придет следующий год, будет забито в сто раз больше животных, а семья разбогатеет. Так, стараясь обогатиться с помощью забоя овец, они превратятся в мясников. Они обучат этому ремеслу детей, внуков и всех близких. И даже если они не будут активно учить других, люди увидят эту их грязную работу. Они, в свою очередь, тоже станут мясниками, совершающими отвратительные злодеяния, и запустят огромный поток несчастий, который не иссякнет до конца сансары. И все это произойдет по одной-единственной причине: монашеская община и другие едят мясо. Так кто еще поступает столь же дурно, как они?

Если нет потребителя мяса, то не будет и убийцы животного — точно так же в Непале и Индии нет торговцев чаем, потому что там никто не пьет чай⁷⁶. Употребляющий в пищу мясо участвует в злодеянии убийцы животного. И так как поступок того, кто ест мясо, пагубен, весьма ошибочно заявлять, что его полностью созревшее следствие не будет таким же неблагоприятным. Будда определял как неблагоприятные любые действия,

которые прямо или косвенно наносят вред существам. А так как его слова истинны, ясно, что употребление в пищу мяса, несомненно, приносит больше вреда существам, чем употребление любой другой еды. По этой причине и в *Калачакра-тантре*, и в комментарии к ней утверждается, что из двух — мясоеда и убийцы животного — больший грех совершает первый. Раз так, те, кто всё еще возражают, что вина употребляющих мясо не так уж сильна, или что они не так виноваты, как мясник, или же что они совершенно невинны, — поступают крайне опрометчиво. Но правы они или ошибаются — в любом случае, зачем так питаться? По моему мнению, было бы куда лучше, если бы те, кто поедает мясо, смогли освободиться от этой зависимости.

Давайте теперь рассмотрим случай маленького монастыря, монахи которого бедны и не имеют денег, или же скуповаты и экономны, или же они — последователи древней линии кадампа и едят только три белых вещества. Мирским людям, живущим в округе, даже в голову не придет, что можно забить животных, чтобы снабдить монахов мясом. Более того, сказано, что знаком добродетельного поступка является то, что он приносит прямую и косвенную пользу как совершившему его, так и другим. Поэтому я считаю, что если кто-то желает связать себя с непрекращающейся добродетельной привычкой, то нет ничего лучше отказа от мяса. Те немногие монахи, кто действительно обладает состраданием, должны хранить это в сердцах!

Когда лама, который ест мясо, отправляется в летнее или осеннее путешествие за сбором подаяния, все его преданные благодетели думают, как им необычайно повезло, что он посетит их дом. «Он не просто какой-то пожилой лама, — говорят они, — он воплощенный тулку! Мы обязаны приготовить для него хорошее угощение». Зная его вкусовые пристрастия, они забивают овцу и предлагают ему лучшие куски. Сами благодетели обходятся потрохами и думают, что овце выпал счастливый конец. Какая удача быть убитой ламе на обед!

И они говорят друг другу, что прикончить овцу было правильным решением, и что ей действительно повезло. Но когда дело дойдет до их следующих жизней, убийцам предстоит узнать, как повезло и м!

И, напротив, когда приезжающий лама не ест мяса, благодетели не только не убивают животных, но и прячут все мясо, которое у них имеется, и целый день обходятся без него. Вместо этого они едят другую пищу, например, сладкий картофель, творог и так далее, так что и лама, и благодетели остаются чистыми и незапятнанными неблагими поступками — в то время как овца также остается живой и невредимой! Давайте молиться, чтобы все ламы так себя вели! Потому что если они демонстрируют неправильные поступки, то другие ламы и тулку, которые им следуют, будут им подражать, а в конечном итоге летом и осенью ламы и благодетели будут объединять усилия в засеивании семян неблагих действий в тот самый момент, когда они поворачивают колесо Дхармы! Это плохо для них самих и плохо для других и является источником одних лишь страданий в этой жизни и в следующих. Что тут скажешь кроме: «Лама кончок кен» — «О Лама и Три Драгоценности, думайте о нас!»

Есть и другие люди, которые говорят: «Дже Цонкапа и его сердечные сыновья, а также другие мудрецы и сиддхи прошлого учили, опираясь на цитаты из священных текстов, что в соответствии с обетами пратимокши можно есть мясо, обладающее тройственной чистотой. Но в наши дни, — продолжают они, — невежественные практикующие Дхарму, отшельники и им подобные, говорят об этом много чепухи и запрещают есть мясо. Они — черные демоны, которые пытаются лишить монахов пищи. Напротив, именно благодаря употреблению мяса монахи поддерживают силы, что хорошо для практики Дхармы. Все равно, если бы Сангха жила без такой поддержки, то их часть пищи отходила бы мясникам и простым людям — что крайне недобродетельно и неосмотрительно. В любом случае, — заключают они, — сколько бы

люди не повторяли, что не следует есть мяса, получается, что если монахам и монахиням не позволено употреблять мясо (незапятнанное неблагим действием), то, следовательно, и обычным людям тоже не следует этого позволять. А есть много веских причин, чтобы разрешить практикующим Дхарму есть мясо».

Люди, которые так говорят, не только сами едят мясо, они также высказываются за это прилюдно и в личных беседах. Как будто демоны советуют им, что есть. Ведь все будды прошлого в один голос говорили, что именно на основе пратимокши надо развивать бодхичитту — побуждение, свойственное Махаяне. Упражняясь в колеснице парамит, и переходя от нее к Ваджраяне, колеснице плода, необходимо последовательно стать ваджрным держателем в трех обетов. Соответственно, мы, практикующие Дхарму, следуя нашим учителям и служа им, сначала принимаем обеты пратимокши, и потом постепенно упражняем умы в бодхичитте, с целью практиковать Махамудру, Дзогчен, Путь и Плод, Умиротворение и Чод. Но даже если нам не удастся пойти так далеко, я думаю, нет никого, кто, приняв прибежище и бодхичитту, не обновляет эти обеты каждый день.

Если рано утром, в присутствии будд и учителя, люди принимают обет развивать бодхичитту намерения и применения и клянутся поступать, как бодхисаттвы, а днем наносят вред существам — конечно, не прямо, но пускай даже и косвенно — говоря, что допустимо есть мясо (сознательно игнорируя то, чему Будда неоднократно учил в контексте правил поведения бодхисаттв: мясо, результат вреда, причиненного другим, есть не следует), это означает лишь, что эти люди, обожравшись мясом, обезумели и бредят. Потому что у вменяемого человека не может быть таких взглядов. И каким замечательным контрастом этому были бы их честные слова: «Я практикую учения сутр и тантр, и я уверен, что мое поведение не запятнано проступками».

Далее, с точки зрения любого из трех обетов, если есть сильная необходимость и возможность принести благо себе и другим, то существует много особых разрешений на то, что обычно запрещается⁷⁷. Но ошибкой было бы думать, что такое особое разрешение даруется просто, без конкретной нужды. Можно возразить, что Кедруб Ринпоче учил, опираясь на логику и священные тексты, что позволительно есть тройственно чистое мясо. И люди, несомненно, будут ссылаться на его книгу «Краткое содержание трех обетов» и рекомендовать нам изучить ее.

Конечно же, мы должны подходить к этому вопросу с умом и осторожностью. Нет такого слога в священных учениях Будды, который упустил бы владыка Кедруб. Он принял их все как личные наставления. С помощью логики и священных текстов он доказал, что сутры и тантры находятся в совершенной гармонии и друг друга взаимно поддерживают, и таким образом представил весь спектр учений Будды как логичный и последовательный путь. Но когда в одном месте он сказал, что для принявшего обет бодхисаттвы учение *Ланкаватара-сутры*⁷⁸ не противоречит предписаниям пратимокши (где разрешено употребление рыбы и мяса животных с раздвоенными копытами), он лишь обрисовывал точку зрения тех, кто говорит, что вкушать мясо, запрещенное в пратимокше, позволено людям, принявшим обеты Мантраяны, если они хотят. И далее он эту точку зрения опровергает.

В действительности, употребление мяса никогда не разрешалось тем, кто принял обет бодхисаттвы. Напротив, ясно сказано, что употребление мяса для них запрещено. А раз так, те, кто пристрастился к мясу и сваливает груз ответственности на Владыку Цонкапу, его сердечного сына Кедруба и других учителей прошлого, заявляя, что они это позволяли, очень далеки от сострадания — той почвы, на которой вырастает устремление к высшему просветлению. У них нет кармической связи с заповедями бодхисаттв — ни с высшими, ни со средними, ни с низшими. Так что пусть продолжают в том

же духе и говорят, что хотят — что едят мясо, потому что они шраваки, или потому что они тантрики. И посмотрим, что с ними потом будет!

Некоторые могут возразить, что, хотя мясоедение действительно вредно, в текстах и Сутры, и Тантры говорится, что, если произнести имена будд или определенные мантры или дхарани, или если сделать краткую медитацию йидама с произнесением мантры, то проступок будет очищен. И пагубное действие, таким образом, не будет совершено. Более того, они говорят, что если при этом сконцентрироваться на убитом животном, то оно получит благо и можно даже считать, что ему повезло с точки зрения кармы. Доказано, продолжают они, что когда обычные люди убивают коз, овец и яков и едят их теплые плоть и кровь, то их действия полностью ошибочны. Но когда практикующие Дхарму едят мясо и произносят над ним слова Будды, наполненные благословениями, то животное получает большое благо. Поэтому, заключают они, есть мясо — совершенно нормально, при условии, что едока не обуревают чрезмерная страсть к нему. Они также оправдываются тем, что люди и обстоятельства заставляют их есть мясо.

Таким людям нужно поразмышлять следующим образом — и тогда они поймут: в прошлом сострадательный Будда сказал в первом повороте Колеса Дхармы, что неблагих действий нужно избегать, благие действия нужно совершать, и всегда нужно иметь хорошее, доброе сердце. Будда в его подлинных учениях не говорил, что практикующие Дхарму могут или должны есть мясо. Он не давал гарантий, что с помощью повторения его слов (мантр и так далее) употребляющие мясо предохранят себя от зла. Поэтому лучше всего полностью воздерживаться от мяса.

Почему тогда Будда говорил о возможности очистить зло, связанное с убийством животных ради мяса, с употреблением мяса и другими дурными деяниями? На самом деле он имел ввиду неблагие действия, которые мы собрали в прошлых жизнях, с безначальности сансары и до настоящего

времени, пока тонули в неведении. И еще он указывал на действия, совершенные ранее в этой жизни, когда у нас не было других способов себя поддерживать, или же нас одолевали и подчиняли себе неведение, страсть и отвращение. Но сейчас, когда мы осознаем собственное дурное поведение, если мы раскаиваемся в нем с таким сильным сожалением, будто проглотили смертельный яд, и если у нас есть сильное намерение исправиться и мы клянемся не повторять ошибок даже ценой собственной жизни, если произносим имена будд, мантры и дхарани, изготавливаем ца-ца, делаем обходы посо-лонь и так далее (что является одной из четырех сил раскаяния — «силой практики-противоядия») — то дурные действия действительно будут очищены. Вот каково учение⁷⁹.

Будда снова и снова повторял в сутрах такие слова: «Мои последователи должны оставить все дурные действия, которые прямо или косвенно вредят другим». Кто-то может игнорировать его слова; кто-то может сознательно побуждать других творить зло, чтобы обеспечивать себя мясом. Кто-то может думать: «В сутрах и тантрах всегда найдутся искусные средства, чтобы нейтрализовать зло, так что я буду чист от загрязнений». Кто-то может успокаиваться, говоря себе, что животных можно кормить субстанциями, шептать им на ухо слова, и это подействует на их умы так, что они выйдут из низших миров. Но подобные действия показывают, что мы потерпели полный крах в попытке уловить смысл учения Будды. Это извращение Дхармы. Поступать так — значит уподобляться китайским мусульманам⁸⁰, которые не знают Дхармы. Их священнослужители говорят, что если другие люди убивают существ, то это большой грех, а если убивают о н и , то греха нет. Так как убитые создания таким образом устанавливают связь с их религией, от этого существам будет польза в будущем. Я слышал, что эти священнослужители берут овец за шею и отрезают им головы. Если это правда, то нет абсолютно никакой разницы в действиях и намерениях этих людей и тех буддистов, которых мы только что описали.

Поэтому тем, кто хочет есть мясо, следует вдобавок к упомянутым оправданиям взять несколько уроков у мусульманских священнослужителей и изучить их традицию! Может, они узнают пару-тройку новых уловок! Возможно, это им будет полезно и они смогут избежать загрязнений!

Посмотрите на поведение кошки. Она поймала мышку и взволнована, предвкушая, что сейчас убьет ее. Но потом, как будто пожалев мышку, кошка отпускает ее и начинает играть — хотя, конечно, никакая это не игра. Позже, вдоволь позабавившись, она берет мышку в зубы, уносит в уголок и там сжирает. Это в точности то же, что делают некоторые практикующие Дхарму! Они притворяются, что испытывают сострадание к козе или овце, которую собираются убить, молятся за нее и произносят множество мантр *мани*. Позже, когда животное убито, а его мясо приготовлено, они забирают его в какое-нибудь укромное место, где их никто не видит, и там жадно проглатывают. Многие люди так поступают. Однажды я слышал про кошку, которая поймала мышку и куда-то ее несла. Но потом решила поиграть с ней. Когда она отпустила мышку, та убежала и спряталась под перевернутой корзиной, лежавшей неподалеку. Кошка уселась рядом, заглядывая под корзину, и мяукала так нежно — она была сама сладость и сострадание. Но когда мышка забралась еще глубже в свое укрытие, кошка чрезвычайно расстроилась и все обыскала. Наблюдавшие эту сцену заливались смехом! Точно так ведут себя некоторые современные практикующие Дхарму! Они напускают на себя сострадательный вид и читают много [мантр] *мани*, пока овцу убивают. Но если наступление смерти задерживается, их охватывает волнение и нетерпение. Сталкиваясь с подобным фарсом, я думаю, что не только Будды в безграничности пространства должны смеяться, но и обычные люди этого мира должны очень забавляться, слыша о выходках некоторых практикующих Дхарму! Но если люди действительно порождают своего рода сострадание и повторяют мантры, я думаю, что даже

если это не особо помогает мертвому животному, это принесит некоторую пользу им!

Этот вопрос можно подытожить, сказав, что для хороших и сострадательных практиков Дхармы вопрос, загрязняются они или не загрязняются неблагими действиями, не так уж важен. Искренние практикующие чувствуют естественное, интуитивное сострадание к забитым овцам и козам, будто это их старые матери. Они не пожелают иметь ничего общего с их убийством ради мяса. Напротив, они жаждут спасти жизни; они выкупают животных, отобранных для бойни, и освобождают их. Иначе это все равно, что махать кулаками после драки. Читать мантры, демонстрируя сострадание к животным после того, как их убили, а мясо съели, — не более чем глупая игра. Люди, которые так поступают, могут показаться хорошими и сочувствующими в глазах незнающего человека, но если хорошенько всмотреться, не за что хвалить их поведение — ни за действия, ни за намерения. Если люди выворачивают наизнанку смысл слов Будды и поступают дурно, как мы здесь описали, это не изъяс учения Будды. Скорее, безукоризненное учение искажается чьими-то действиями и намерениями — так, что его не отличишь от небуддийских учений дикарей. Если бы только мы все могли поступать так, чтобы подобного не происходило!

По большому счету, учение Будды естественно способствует благоденствию и счастью существ. Как сказано в молитве: «Да пребудет долго учение Будды, источник всякой радости и блага!» Следовательно, если люди и животные, проживающие по соседству с теми, кто называет себя буддистами, пребывают в радости и мире, то это знак, что учения Будды здесь пребывают. Но если происходит обратное, царят зло и раздоры, это говорит о том, что учений поблизости нет. Однако в наши дни под предлогом сборов для монашеской общины некоторые монахи навлекают серьезные невзгоды на деревни и их обитателей — как на людей, так и на животных⁸¹. Скорбно видеть подобное. Но лучше я не буду об

этом распространяться. Все равно никто не станет слушать. Что еще хуже, если я стану указывать на личные недостатки высокопоставленных практикующих, большинство из них ответит злобными словами. И есть опасность, что те из них, кто действительно могуществен, могут меня поймать и разрезать мне рот ножом. Так что лучше мне действовать осмотрительно. В любом случае, действительно искренним и сострадательным людям поможет даже то небольшое, что я сказал. С другой стороны, сколько ни говори с людьми, лишенными совести, морали и чувства пристойности, в результате ничего не получишь, кроме неприятностей на свою голову. А в данном случае, как говорится в пословице, «лучший совет — это закрой свой рот».

Наш Учитель, великий своим состраданием и искусными методами, установил первое правило касательно мяса для шравак, принявших обет пратимокши, уточнив, что мясо животных с неразвоенными копытами (лошадей, ослов и так далее), в отличие от мяса животных с развоенными копытами (яков, коров и овец) есть нельзя. Позже он установил еще одно правило, гласившее, что, кроме тройственно чистого мяса, употребление любой плоти запрещено. И потом, в связи с обетом бодхичитты и мыслью, что нет ни единого существа, которое не было бы нашим добрым родителем, он запретил употребление любого мяса, в том числе и плоти животных, умерших своей смертью. В древности учителя кадампа говорили, что первые два правила, сформулированные в контексте пратимокши, были даны в начале для пользы тех, кто обладал сильным пристрастием к мясу. Будда знал, что если полностью запретить есть мясо с самого начала, такие люди не смогут принять буддийское учение. Но для тех, кто вошел в учение и чьи умы очистились — и, конечно, для бодхисаттв — Будда установил принцип полного воздержания от мяса. То, что говорят кадампы, очень правильно. Когда Будда повернул Колесо Дхармы Великой колесницы, умы многих шравак возвысились, и многие из них зародили бод-

хичитту — высший помысел просветления. После этого они воздерживались от употребления мяса. Следовательно, думать, что все шраваки ели мясо — ошибка.

Великое существо, второй Будда, Владыка Цонкапа неоднократно говорит в своих трудах — и доказывает эти слова с помощью рассуждений и цитат из священных текстов, — что, если понять смысл разграничения между тем, что позволено, и тем, что запрещено, то поймешь, что все сутры и тантры говорят одно и то же. В контексте трех обетов он разъясняет, что исключительная необходимость превосходит запреты. Поэтому, если есть веская причина, то ради принесения большего блага и себе, и другим допустимо не воздерживаться от мяса и других желанных объектов, таких как алкоголь и [сексуальные отношения] с супругой, но лучше наслаждаться ими как украшениями дхарматы. Но это не значит, что ими можно наслаждаться обычным образом, без превосходного оправдания. Как говорит Владыка Кедруб в «Кратком содержании трех обетов»: «Все те, кто зарождает мысль о непревзойденном просветлении, бодхисаттвы Великой колесницы — как было бы замечательно, если бы они воздерживались от любых видов мяса! Даже на уровне пратимокши запрещается любое мясо, кроме того, что обладает тройственной чистотой. Даже во сне нельзя из-за пристрастия к мясу говорить, что есть его позволительно».

Однако в наши дни можно найти лишь мясо животных, которые были убиты для еды. Мясо, обладающее тройственной чистотой, — действительно большая редкость. И еще бóльшая редкость — практикующие, которые его не желают. И поэтому, несомненно, было бы лучше, если бы крикуны, которые повсеместно трубят о приемлемости мясоедения, вместо этого поразмышляли о глубине своих проступков!

Употребление в пищу большого количества мяса не только плохо с точки зрения долговременной перспективы (для будущих жизней); очевиден тот факт, что даже в этой жизни многие погибают из-за токсинов, содержащихся в нем. Много

раз мы видели и слышали, что когда практикующие Дхарму говорят своим благодетелям, что им нужно мясо, те идут и убивают овцу. И когда монастырские казначеи говорят, что грядут большие праздники, у кочевников по осени покупают и забивают двадцать-тридцать овец. Это обычное дело для больших и маленьких монастырей. В результате, когда люди отправляются в паломничество в монастырь, намереваясь сделать подношения и выразить почтение, то, прежде чем увидеть образы просветленных существ, они натываются на зрелище, представляющее из себя груды костей. Теперь скажите мне, что же называется «неправедным заработком», если не это? Вы, «практики Дхармы», неспособные увидеть прямой и косвенный вред, который приносится жизням коз и овец, вы что, слепы? Ваши глаза не в порядке? А если вы не слепы, то не пытайтесь притворяться, что ничего об этом не знаете!

В нашей стране не едят мяса лошадей, собак или людей, поэтому здесь не увидишь, чтобы их убивали ради мяса. Но если бы был для них рынок, то можете быть уверены, что у нас появились бы мясники, занимающиеся лошадьми, мясники, занимающиеся ослами, мясники, занимающиеся собаками, и мясники, занимающиеся людьми! В самом деле, ходят слухи, что в Китае подобное случается. Здесь, в нашей собственной стране, многие люди едят мясо коз, овец и яков — и посмотрите, сколько у нас мясников! Будда сказал: «Любой вред, принесенный живым существам прямо или косвенно, есть зло. Оставьте его!» Тем не менее, люди, понимающие его слова, говорят, что они не вредят существам, употребляя мясо. Что за демон овладел ими? Из-за употребления мяса существам причиняется вред — и прямой, и косвенный. Нет другой пищи, столь же вредящей жизням существ, как мясо!

Сострадательный Будда, искусный в методах, действительно вкушал мясо, но только по особым случаям, когда его вынуждали к этому время и место. Например, он ел мясо, когда ничего другого не было, и отказ от мяса создал бы угрозу его жизни. Также он ел мясо в случаях, когда благо-

детели готовили тройственно чистое мясо — тогда его отказ помешал бы полному созреванию положительного следствия поступка, в то время как согласие позволяло завершить накопление заслуги. Другими словами, в случае крайней необходимости он действительно вкушал мясо, наделенное тройственной чистотой. Но если кто-то думает, что Будда употреблял мясо, не будучи вынужденным обстоятельствами, и лжуя, повторяет это, он, по сути, чернит Будду, подразумевая, что тот не был даже бодхисаттвой. Кто говорит так, упускает отрывок из *Ланкаватара-сутры*, где Будда провозгласил: «Если я ем мясо, а говорю, что не ем, то я не их учитель, а они не мои ученики».

Обуреваемый завистью, Дэвадатта бросал в Будду камни, спустил на него дикого слона и вынашивал множество других планов убить его. Он наговаривал на Владыку, утверждая, что тот ест мясо, тогда как он, Дэвадатта, не ест. На деле Дэвадатта в тайне ел мясо, хотя на людях отказывался даже от мяса, обладающего тройственной чистотой. Он прикрывал свое притворство лживыми и пустыми словами, говоря: «Смотрите! [Нравственная] дисциплина у Будды совсем не та, что у Дэвадатты. Он ест мясо, как все!» Кто бы ни говорил подобное, встает на сторону Дэвадатты. Заявляя, что Будда и его окружение всегда ели чистое мясо во время полуденной трапезы, даже когда в этом не было необходимости, такие люди не делают чести Будде и его ученикам, но позорят их. Они снова и снова говорят это не только буддистам, но и небуддистам. Так они поносят нашего Учителя, намекая, что он не ровня Дэвадатте и не мог воздерживаться от мяса. Вместо того, чтобы произносить подобную клевету, лучше бы они держали рот на замке. А если не могут держать на замке, то пусть наполнят его испражнениями!

В прошлом пропитание Будды и его учеников зависело от подаяния. Они не жили на одном месте. Они не копили деньги и пищу и не занимались покупками и продажей. Нет нужды говорить, что они никоим образом не вовлекались в

торговлю мясом. Соответственно, какое бы мясо они ни ели, оно неизбежно обладало тройственной чистотой. Им, в общем-то, невозможно было добывать пропитание дурными делами. Но в наши дни возводятся монастыри, делаются запасы, во много раз превосходящие запасы семейных хозяйств. Мясникам позволено селиться по соседству, и они забивают животных, зная, что монахи придут, чтобы купить мясо. И именно так монахи и поступают — все дело лишь в спросе и предложении. Так что благодаря покупателям и убийцам, работающим бок о бок, забиваются сотни и тысячи коз и овец. Если так не совершаются проступки, и если такое мясо обладает тройственной чистотой, это значит лишь одно: для таких людей все стало бесконечной чистотой!⁸² Это значит, что существам, убиваемым в нашу эпоху упадка, необычайно повезло, и нет ничего страшного в том, чтобы вредить им — хоть прямо, хоть косвенно! Значит, Будда не запрещал этого в своих правилах, ни прямыми словами, ни их подтекстом, и нет ничего неправильного в употреблении плоти животных, убитых торговцами мясом! А монахам, конечно, нет необходимости беспокоиться о том, что сказал Будда, потому что они могут вести себя свободно, как достигшие свершения сиддхи! Пусть продолжают в том же духе!

У нас теперь появилась новая традиция Дхармы, доселе неизвестная! Это Дхарма Будды-мясоеда и лам-мясоедов, которых выдвинули их ученики-мясоеды и служащие им мясники и поставщики! Это традиция, выступающая за искоренение рода коз и овец. Но будьте осторожны, последователи нашего Учителя! Если так будет долго продолжаться, то придет время, когда все овцы, козы и яки вымрут. И тогда бегаться придется собакам, лошадям и даже людям!

В стародавние времена боги, наги, люди и гандхарвы всячески почитали Владыку Будду и его учеников. В сутрах много раз говорится, что они подносили им еду, приготовленную из «трех белых и трех сладких». Ни разу не сказано, чтобы

их пригласили отвесть «три красных и три забродивших»! Я не видел такого ни в одном тексте. Точно также, когда второй Будда, Владыка и его сердечный сын⁸³ гостили в Еспа Лхари и других местах, они ели только три белых и три сладких, продукты, которые рекомендовал сам Будда. Нигде в его биографии и в других источниках не сказано, что он и его ученики ели много чистого мяса. И также не говорится в историях жизни Дже Ринпоче (который как толкователь учений равен самому Будде) и его сердечных сыновей, что они увлекались мясом. И его последователям никогда не рекомендовались ни приобретение чистого мяса, ни его употребление для удовлетворения желания.

Конечно, можно возразить, что есть история про домоладельца из Раджгира, который поднес Будде мясной бульон, и Будда со многими монахами его отведали. Но тут надо напомнить, что этот благодетель сделал подношение, зная, что, выказав почтение Будде и его последователям, он накопит заслуги, и он искренне думал, что бульон из мяса — лучшая и самая вкусная еда для обычных людей, так что это также и лучшее из подношений. Будда, со своей стороны, знал, что если он не примет подношение и откажется съесть суп, то действие благодетеля не принесет плодов, и тот не накопит заслуг, в то время как принятие подношения завершило бы накопление добродетели. Не имея ни малейшего желания — так мать могла бы отвесть плоть собственного ребенка или кто-то мог бы намазаться собачьим жиром, чтобы исцелить рану, — Будда отведал один раз этого бульона, просто потому что это было полезно другому. Нам не следует делать из этого заключения, что Будда обзавелся привычкой питаться бульоном! Только чтобы принести благо другим, Будда и его ученики вкушали даже дурную, отравленную еду, приготовленную колдуном, — нет нужды перечислять прочие виды пищи!

Кто-то может возразить, что из-за того, что шраваки, ученики Будды, всегда ели тройственно чистое мясо, Дэвадатта

ввел свое правило: «Будда и его ученики едят мясо, а мы будем воздерживаться от него!» И правда, в «Трех обетах» сказано: шраваки обычно ели тройственно чистое мясо. Но истина заключается в том, что поступали они так только в крайней нужде. Более того, кто может доверять Дэвадатте и Сунакшатре и принимать их слова за истину? Они критиковали Будду из зависти. Я считаю, что все, кто верит в их слова и повторяет их, по сути, отходит от учения Будды и линии его учеников.

Можно возразить, что Кедруб Дже сказал довольно ясно, с вескими обоснованиями и цитатами из текстов, что тройственно чистое мясо следует есть. И совершенно верно, что если есть насущная необходимость для этого, то не только Кедруб Дже, но и Будда дает разрешение. Когда попадается мясо, нужно проверить, обладает оно тройственной чистотой или нет. Более того, есть много настроев, с которыми можно есть мясо. Кедруб же никогда не говорил, что можно есть мясо из желания. В «Кратком содержании трех обетов» он говорит: «Что значит не иметь страсти к мясу? Вы должны чувствовать себя, подобно царю и царице из одной истории, которым пришлось съесть плоть собственного сына. Проверьте, так ли вы себя чувствуете. У вас должно быть ощущение, будто вас стошнило, вы не хотите есть и чувствуете отвращение при виде еды, а если есть все же приходится, вы делаете это без аппетита и удовольствия». Так что те, кто заявляет, что Кедруб Дже активно выступал за употребление мяса, — не истинные ученики Цонкапы и его последователей. Они — позор своей традиции. Учение Дже Ринпоче, гласящее, что при достижении высокого свершения следует есть мясо и пить алкоголь в качестве средства для порождения блаженства и пустоты, — особое наставление. Это не безоговорочное разрешение на обычное поедание мяса! В каждой конкретной ситуации необходимость важнее запретов. Поэтому мы не должны позволять себе делать заключение, что он поддерживал употребление мяса безо всяких оправ-

даний и независимо от обстоятельств — теми, кто просто хочет им питаться!

Вполне может быть, что в ситуации огромной необходимости практикующие любого уровня обетов — пратимокши, бодхисаттв или Мантраяны — пользуются особым позволением, благодаря их способностям, есть мясо, пить алкоголь и обзавестись супругой. Это несомненно. Но мы, стремящиеся понять истинный смысл учения Будды, Дже Ринпоче и его духовных сыновей, не должны интересоваться только лишь словами. Если мясо, алкоголь и прочее вредят уму, от них, несомненно, нужно держаться в стороне.

И снова кто-то может возразить, что учение, данное в *Калачакра-тантре* и великом комментарии к ней («если нет того, кто ест мясо, то нет и того, кто убивает животных») не отличается от джайнизма. Поэтому оно неразумно и его не следует принимать, несмотря на эти слова из комментария.

Будда сказал, однако, что все, что приносит прямое или косвенное благо существам, допустимо, даже если совершаемое действие кажется неблагим. И наоборот, следует избегать любого, даже кажущегося благим, действия, если оно приносит прямой или косвенный вред существам. Если накопление заслуги превращается во что-то вредное, то становится неблагим. Поэтому, если действие соответствует наставлению Будды: «Оставь все дурные дела, старательно твори добро, полностью укроти свой ум — вот учение Будды», — его следует одобрить, независимо от того, пропагандируют ли его индуисты, бонпо, последователи Хошана или мусульмане. «Все, что в небуддийских или мирских традициях соответствует Дхарме Будды, — сказал Будда, — нужно уважать, как мое учение». Если бы было по-другому, если бы было запрещено поступать в соответствии с верами и практиками всех, кто находится вне Дхармы, нам бы пришлось оставить все науки. Потому что, за исключением внутренней науки Дхармы, все они в равной степени практикуются и небуддистами. Поэтому,

если не происходит неблагоприятного действия — убийства, то наша цель достигнута и этого достаточно.

Тем не менее, некоторые люди поспорят, сказав: «Есть много случаев, когда последователям Будды дается разрешение есть мясо, — в контексте обетов пратимокши, бодхисаттв или Мантраяны. И даже ваджрные держатели трех обетов едят мясо, обладающее тройственной чистотой. Нет нужды выделять лишь тех, кто практикует в соответствии с пратимокшей. Кроме того, Виная всегда должна быть адаптирована к стране и времени, где она применяется. Может быть, мясо и нехорошая еда, но трудно найти в Тибете питание, которое было бы в полной гармонии с Дхармой. Поэтому, если практикующие едят мясо, но в то же время упражняются в учении Будды, они не только не совершают проступка, но, когда обретут просветление, смогут помочь всем тем, кто как-либо с ними связан. Как можно сравнивать поедание мяса такими практикующими с поведением обычных людей, мясников и охотников? Могут быть сотни, даже тысячи причин не есть мясо, но его приходится есть. Воля ваша, можно говорить и практикующим, и обычным людям, чтобы они не ели мяса, страшая их адским пламенем, но жить без него никто не может!

Поэтому, — скажут эти люди, — если у тебя есть учение, в соответствии с которым мы можем есть мясо и при этом не накапливать загрязнений, то, пожалуйста, дай его нам. Если нет, то в будущем тебе и тебе подобным лучше держать свои советы и практики при себе, размышляя о неопределенности момента смерти и начитывая *мани* для собственного блага! Твое учение Дхармы слишком однобоко, ты разрушаешь всю монастырскую жизнь. Так что закрой рот — а если не будешь сидеть тихо, то получишь. В конечном счете, не из-за того ли, что не ешь мяса, ты такой легковозбудимый? Не по этой ли причине ты такой мрачный зануда? Но что бы мы тебе ни говорили, ты не слушаешь — так что катись-ка отсюда и болтай там, где тебя никто не слышит!»

Что ж, они вполне правы. Вполне возможно, что никто не сможет и не будет ко мне прислушиваться. С другой стороны, могут найтись один-два умных и сострадательных человека. Итак, я чувствую, что ради них я должен изложить это учение, прилагая все свои силы и способности. Что касается правил, составляющих три обета, — они вновь совершенно правы. Существует множество разрешений и отступлений. Но надо знать, где провести границу. Как можно считать правильным заявление, что позволено есть мясо и так далее без малейших размышлений? Как можем мы столь безрассудно разрушать три обета, уподобляясь при этом козлам, которые, прыгая в реку, сами себя калечат?

Ситуация, в которой употребление мяса допускается, выглядит так. В соответствии с пратимокшей, есть мясо допускается во время длительных путешествий, скажем, из Кхама в Центральный Тибет, когда кроме мяса нет буквально никакой другой еды — тогда, когда не съесть его значило бы рискнуть жизнью. Аналогичный случай — когда человек серьезно болен, совершенно ослаблен и близок к смерти, и жизнь его зависит от того, съест ли он немного мяса. В контексте обета бодхисаттвы считается, что если бы умер бодхисаттва, пребывающий на бхуми, то свет учения потух бы, а если бы он жил долго, это принесло бы много добра существам и учениям. Поэтому, когда кто-либо из великих учителей стареет и нуждается в восстановлении сил, им позволено есть мясо. И, в контексте Тайной Мантры, йогины, которые обрели стабильность в стадиях зарождения и завершения, могут вкушать мясо во время ганачакры и в качестве средства развития постижения блаженства и пустоты и так далее. Вкратце, употребление мяса приемлемо, когда на то есть важная причина с точки зрения блага для себя и других.

Некоторым людям могут быть дарованы особые позволения, которые даются не всем и не всегда. Например, когда монахов призывают к добродетели, им напоминают, что они обязаны всегда посещать ганачакру, что им нельзя принимать

женщин в своих покоях и нельзя пить алкоголь. Очевидно, что все они обязаны вести себя соответственно. Однако, если управляющему монастырем в связи с исполнением своих обязанностей нужно отправится в другое место, и если он объясняет причину, по которой не может присутствовать на гана-чакре, ему даруется на это особое позволение. Точно также, если старые и больные монахи просят позволения оставаться в своих комнатах, им обычно разрешают. Если им для лечения с лекарством необходимо выпить немного алкоголя, это тоже позволяется. И, наконец, если монах умирает, ему дается особое позволение увидеться с матерью и сестрами. Еще раз повторю — необходимость перевешивает запреты. Учения Будды сострадательны по своей природе. Поэтому, если есть большая необходимость для чего-либо полезного (прямо или косвенно, для себя или других) — того, что обычно запрещено, — делается исключение и дается разрешение. И это так для всех трех обетов. Но если такой необходимости нет, то нельзя просто-напросто делать по-своему и нарушать правила. Если это ясно понимать, то учение Будды, источник всякой радости и блага, не будет извращено, и обнаружится, что сутры и тантры друг друга поддерживают. Все священные тексты носят характер личных наставлений, полезных для ума. Это ключевой момент. Если кто-либо лелеет учения Будды, то он станет источником блага для существ, он сможет привести их к решению этого и других сложных вопросов. Потому что если нет необходимости, то держателю трех обетов не подобает есть мясо, даже тройственно чистое, не говоря уже о плоти животных, специально убитых для этой цели. Если у человека сильна энергия ветра, и он не может обходиться без мяса, ему надо поразмышлять о недостатках такого питания и работать над тем, чтобы освободиться от этого пристрастия. Если он не видел, не слышал и не подозревал, что животное было убито кем-то для него, покупает такое тройственно чистое мясо и немного съедает, то в этом нет проступка.

Но в наши дни, когда ламы используют свои летние и осенние поездки по городам и весям для сбора провизии, их покровители и благодетели ежедневно убивают коз и овец и подносят им мясо. То же самое касается монахов, проводящих ритуалы в деревнях. Люди убивают много животных — коз, овец, яков, — чтобы поднести мясо монахам. Также во время религиозных праздников многих животных предают смерти. Но если монахи и ламы едят это мясо, они не только вкушают плоть животных, убитых специально для них, но и делают это во имя Дхармы, что, как сказано, намного серьезнее любого другого плохого поступка. Такое поведение нужно оставить, как будто это яд!

Но некоторые говорят, что есть мясо — вполне нормально, и что среди лам и учителей в наши дни есть эманации будд. Говорят даже, что и среди мясников есть эманации будд. Так что же плохого в употреблении мяса?

Слышали ли вы когда-нибудь столь смехотворную чепуху? Это напоминает историю про двух мастеров-скульпторов, которые столько друг друга обманывали и дурачили, что оба погибли и в этой жизни, и в следующих. Никогда не верьте подобной лжи! Не доверяйте подобным мошенникам и плутам, — людям, рассказывающим о ламах прошлого, которые убивали животных, чтобы привести их в высшие миры, о мясниках, ведущих животных к высшим перерождениям, о дхармапалах, которые делали подобное. Лучше верьте ваджрным словам Будды. Не обращайте внимания на убедительные доводы так называемых практикующих, а на самом деле — всего лишь обычных людей, которые пытаются с их помощью вами манипулировать. Мы должны взирать на всех существ как на своих добрых родителей, и, чтобы отплатить за добро, которое они для нас делали, мы обязаны ежедневно медитировать о добросердечии, сострадании и бодхичитте. Да не будем мы запятнаны этой дурной пищей — плотью и кровью собственных родителей!

Таково мое сердечное наставление всем, кто предан и сострадателен, кто обладает характером бодхисаттвы. Да запомнят они мои слова. Да сохранят их в сердце.

Таков «Нектар бессмертия», наставление, устраняющее яркое пламя сильной страсти к дурной пище — плоти и крови наших отцов и матерей. Его сочинил йогин, белостопный Шабкар, записавший его с добрым намерением принести благо учению и существам, в приятном уединенном месте — долине Дронг, где ум достигает своей естественной, прозрачной ясности.

Пусть это приносит прямое или косвенное благо учению и существам!

Да будет все благоприятным — *Сарва мангалам!*

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См., например, Rapsel Tsariwa, *The Remedy for a Cold Heart* (Chamrajnagar, India: Dzogchen Shri Singha Charitable Society, 2002). Этот замечательный небольшой буклет бесплатно распространялся среди собравшихся на посвящении Калачакры в Индии, в Бодхгае, в 2002 году.
2. Прозвище Шабкар означает «белая стопа». Его звали так, потому что «где бы не ступала его нога, все окрестности становились белыми от добродетели». См. *The Life of Shabkar: The Autobiography of a Tibetan Yogin*, trans. Matthieu Ricard (Ithaca, N.Y.: Snow Lion Publications, 2001), xiv, 433.
3. Полное собрание сочинений Шабкара недавно одновременно вышло в свет в Индии (New Delhi: Shechen Publications, 2003), 14 томов в традиционном формате *печа*, и в Тибете (Xining: Mtsho sngon mi rigs dpe skrun khang, 2002–3), 12 томов в обычном формате.
4. Автобиография Шабкара занимает первые два тома собрания сочинений. Полное название первого тома — *snyigs dus 'gro ba yongs kyi skyabs mgon zhabs dkar rdo rje 'chang chen po'i rnam par thar pa rgyas par 'dod rnam kyis re ba skongs ba'i yid bzhin nor bu bsam 'phel dbang gi rgyal po*, далее называемого «Царь драгоценностей, исполняющих желания». Этот том был переведен на английский язык. См. *The Life of Shabkar*. Однако в данной книге все цитаты из автобиографии переведены нами (переводчиками с тибетского на английский. — Прим. ред.).

5. См. The Life of Shabkar, с. 31.
6. См. The Life of Shabkar, с. 452.
7. См. The Life of Shabkar, с. 460.
8. См. The Life of Shabkar, xxx, п. 53. «Кочевники на высокогорных плато Тибета живут, в основном, на мясной пище. Тем не менее, они осознают все то зло, что связано с принесением вреда животным и убоим скота. Среди тибетцев обычной является практика выкупа жизнью животных (stog bslu). Буддисты всего мира по традиции выкупают рыб, птиц, и других животных на рынках и выпускают их на свободу. В Тибете часто владельцы сами милосердно освобождают часть принадлежащего им скота. В случае с яками и овцами, владельцы отрезают им кончик уха, а к его оставшейся части привязывают красную ленту в знак того, что это животное нельзя отправлять на убой; оно разгуливает свободно среди остального стада. Владельцы обычно связывали накопившиеся таким образом ленточки вместе и подносили ламе с просьбой посвятить заслугу, обретенную благодаря этому сострадательному действию. Ламы и их преданные последователи часто давали владельцам стад большие суммы денег, прося освободить таким же образом определенное количество животных». Шабкар по этому поводу упоминает, что он дарил множество коз и овец монастырям, но исключительно для получения от них шерсти и молока.
9. По поводу последней трапезы Будды см. Philip Kapleau, To Cherish All Life (Rochester, N.Y.: The Zen Center, 1986) <На русском языке: Роси Филип Капло. Диета милосердия. — М.: Открытый мир, 2005>. На самом деле мы просто не можем знать точно, что он ел.
10. Другая точка зрения представлена в книге: Kapleau, To Cherish All Life <На русском языке: Диета милосердия...>.
11. Три белых — это масло, молоко, простокваша. Три сладких — это сахар, мед, патока.
12. Похоже, что жители древней Индии, как и нынешние индуисты, были преимущественно вегетарианцами. Мясо в чаши для подаяния попадало сравнительно редко.

13. См. Collected Works of Shabkar, том 7 (Ja), The Emanated Scripture of Compassion (snying rje sprul pa'i glegs bam) (New Delhi: Shechen Publications, 2003).
14. См. Tulku Thondup, Masters of Meditation and Miracles: Lives of the Great Buddhist Masters of India and Tibet (Boston: Shambhala Publications, 1996, с. 203).
15. См. Longchen Yeshe Dorje, Treasury of Precious Qualities, trans. Padmakara Translations Group (Boston: Shambhala Publications, 2001), с. 185 и далее.
16. См. Shantideva, The Way of the Bodhisattva, trans. Padmakara Translation Group (Boston: Shambhala Publications, 1997), с. 180 <На русском языке: Шантидэва. Путь Бодхисаттвы. — СПб.: Фонд «Карма Йеше Палдрон» — Культурный центр «Уддияна», 2000>.
17. Махасиддха предложил отведать по полной ложке тем, кто стоял рядом. Вкусившие обрели сиддхи. См. жизнеописание восьмидесяти четырех махасиддх и жизнеописание Цангнён Херуки в книге E. Gene Smith, Among Tibetan Texts: History and Literature of the Himalayan Plateau (Boston: Wisdom Publications, 2001), с. 59.
18. См. Dalai Lama, The World of Tibetan Buddhism: An Overview of Its Philosophy and Practice (Boston: Wisdom Publications, 1995), с. 112 <На русском языке: Мир тибетского буддизма: обзор его философии и практики. — СПб.: Нартанг, 1996, 2002>.
19. См. Patrul Rinpoche, The Words of My Perfect Teacher, trans. Padmakara Translation Group (Boston: Shambhala Publications, 1998), с. 208. <На русском языке: Патрул Ринпоче. Слова моего всеблагого учителя: устные наставления по предварительным практикам учения Дзогчен лонгчен нингтиг. — СПб.: Уддияна, 2004>
20. См. Longchen Yeshe Dorje, Treasury of Precious Qualities, с. 205–6.
21. Шесть украшений — это индийские мастера Нагарджуна, Арьядэва, Асанга, Васубандху, Дигнага и Дхармакирти. Двое превосходных — Шакьяпрабха и Гунапрабха.
22. См. The Emanated Scripture of Compassion.

23. bsgyur ba ldem dgongs. См. Longchen Yeshe Dorje, *Treasury of Precious Qualities*, с. 251.
24. См. *The Emanated Scripture of Compassion*.
25. См. Gyalwa Changchub and Namkai Nyingpo, *Lady of the Lotus-Born: The Life and Enlightenment of Yeshe Tsogyal*, trans. Padmakara Translation Group (Boston: Shambhala Publications, 1999), с. 183, где Еше Цогял не одобряет подобного отношения одного из ее учеников.
26. См. Matthieu Richard, *The Collected Writings of Shabkar Tsogdruk Rangdrol (1781–1851)*. — New Delhi: Shechen Publications, 2003.
27. См. с. 116.
28. См. *The Life of Shabkar*, XV.
29. Помимо переведенных в этой книге текстов, см. также *The Emanated Scripture of Compassion* и *The Beneficial Sun (chos bshad gzhan phan nyi ma)* в *Collected Works of Shabkar*, том 10 (Tha). — New Delhi: Shechen Publications, 2003.
30. *Rmad byung sprul pa'i glegs bam*, в *Collected Works of Shabkar*, том 8 (Nya). — New Delhi: Shechen Publications, 2003.
31. *The Nectar of Immortality (legs bshad bdud rtsi'i chu rgyun)*, в *Collected Works of Shabkar*, том 12 (Na). — New Delhi: Shechen Publications, 2003.
32. dgra bcom pa, букв. «тот, кто побеждает врагов», то есть негативные эмоции.
33. Эта мысль объясняется тем, что семя и яйцеклетка (которая в обыденном сознании ассоциируется с менструальными выделениями) по большому счету рассматриваются как нечистые субстанции и, взятые сами по себе, у большинства людей вызывают отвращение. Если причины считать нечистыми, то вполне логично таким же видеть и их следствие, т. е. мясо.
34. 'phags pa, «благородное существо». Это относится к любому, кто вышел за пределы сансарного бытия: к архату, пратьекабудде, бодхисаттве, пребывающем на бхуми, или к будде.
35. ma brtags pa. Все мясо, которое употребляется безрассудно, без должного обдумывания того, каким образом оно добыто.
36. См. с. 62 для разрешения очевидного противоречия с тем, что сказано выше в этом абзаце.

37. «Три вида чистоты» — общий перевод. Тибетские термины *ma brtags*, *ma bslangs*, *ma bskul* перевести сложно. Вероятно, *ma brtags* означает «неклеимый» и относится к животным, предназначенным для убоя; *ma bslangs*, может быть, означает «не взятое», то есть не купленное даже после того, как было трижды выставлено на продажу; наконец, *ma bskul* может означать «не заказанный», другими словами, не взятый от животного, убитого ради мяса.
38. Все эти сутры принадлежат к третьему повороту колеса Дхармы.
39. Кажется, смысл этого отрывка заключается в том, что рыба не была включена в список пищи, названной Буддой полезной. Поэтому если бы Будда разрешил употребление рыбы, нездоровой пищи, не было бы смысла описывать другие продукты (ячмень, черную патоку и т. д.) как здоровую и таким образом выступать за их употребление. Это было бы также нелогично, как если бы Будда выступал за то, чтобы включить неподобающие виды одежды в категорию монашеского одеяния. Кажется, таков смысл тибетского текста, который, как многие места Кангюра, сложно перевести.
40. Четыре благородных пути: накопления, применения, видения и медитации.
41. *Саддхармасмритьюупастхана-сутра*.
42. *thugs rje chen po 'khor ba dong sprug gi rgyud*.
43. *phyi mdo dgongs pa 'dus pa*. Одна из коренных тантр, принадлежит к циклу ану-йоги в школе нингма.
44. *kun 'dus rig pa'i mdo*. Нингмапинская тантра, принадлежащая к коренным тантрам цикла ану-йоги.
45. *don yod zhags pa'i cho ga zhib mo*, подробный ритуал *Амогха Паша*. Эта тантра посвящена четырехликому Авалокитешваре.
46. *don yod zhags pa'i snying po*.
47. *mi g.yo ba'i rgyud*.
48. *spyen ras gzigs dbang phyug gi rtsa ba'i rgyud pad ma drva ba*.
49. *theg chen bsdus pa*.
50. Вероятно, краска извлекалась из насекомых.
51. *lta ba'i 'dod pa mdor bstan pa*.
52. *sgom rim bar ma* (*Бхаванакрама*).

53. mi rtog bsgoms don.
54. dus khor rgyud 'grel. Вероятно, первый комментарий на *Калачакра-тантру*, сделанный Чандрабхадрой, царем Шамбалы и первым получателем этого учения.
55. rgya cher 'grel.
56. Остаточный проступок — это проступок, после совершения которого сохраняется только остаток монашеского посвящения. Прежде, чем такой проступок считается исправленным, провинившийся монах или монахиня теряет свой статус. Нарушитель должен занять последнее место в сангхе, и получает только ту еду, что остается после коллективных приемов пищи.
57. Видьядхара-питака составляет, согласно Гялва Лонгченпе и другим знатокам, четвертое собрание учений, а именно тантры, которые добавляются к Трипитаке (три собрания: Абхидхарма, Сутра и Виная).
58. Вероятно, в *Джатакамале*.
59. Это мантра Акшобхьи.
60. rgyu 'bras bstan pa'i mdo.
61. dre chos rin chen sprung ba, комментарий на dre chos, текст традиции кадампа, написанный Потовой, учеником Дромтонпы.
62. spon slob lo chen.
63. bsnyen gnas. Обет пратимокши, включающий девять из десяти предписаний для шраманеры (гецула), который берется только на двадцать четыре часа. См. Longchen Yeshe Dorje, *Treasury of Precious Qualities*, с. 198.
64. *Вималапрабха*, dri med 'od.
65. Четвертая самая заключается в несовершении коренного падения — оставить любовь ко всем существам.
66. Это приблизительный перевод следующего отрывка: 'di la mtshungs pa zhig zhun/stu shar po gsum 'khor zhig la byas e chog mi chog na. Его значение не ясно.
67. То есть лошади, ослы, мулы и так далее.
68. Вероятнее всего, это ссылка на Джигмэ Лингпу, чьим личным именем было Кенце Осер. Джигмэ Лингпа умер в 1798 г., когда Шабкару было семнадцать лет. Позже Шабкар получил передачу

- Лонгчен нингтик от Лака Друбчена, ученика Джигмэ Тинле Осэра, первого Додрупчена Ринпоче, который был непосредственным учеником Джигмэ Лингпы. См. Tulku Thondup, «Masters of Meditation and Miracles».
69. Сухрллекха.
 70. Имя, под которым Падмасамбхава, Лотосорожденный, известен в Тибете. Будда Шакьямуни предсказал его приход как распространителя учений Тайной Мантры. Будучи приглашенным царем Трисонгом Дэуценом в восьмом веке в Тибет, он успешно и прочно укоренил там буддийские учения Сутры и Тантры.
 71. Наставления семи ступеней причинно-следственной взаимосвязи — практика, тесно связанная с Атишей Дипамкарой.
 72. Это решение принять ответственность за всех существ и готовность практиковать, — если понадобится, то и в одиночку, — до тех пор, пока все существа не будут выведены за пределы страдания.
 73. Практики уравнивания и замены себя другими объяснены Шантидэвой в *Бодхицарьяаватаре*. См. Shantideva, *The Way of the Bodhisattva*, с. 187 <На русском языке: Шантидэва. Путь Бодхисаттвы. — СПб.: Фонд «Карма Йеше Палдрон» — Культурный центр «Уддияна», 2000>.
 74. *phra men pha* и *phra men ma*: чудовища мужского и женского облика с человеческими телами и головами животных.
 75. *bcom ldan 'das rnam par snang mdzad mngon par byang chub pa'i rgyud*.
 76. Вероятно, так дело обстояло во времена Шабкара, в любом случае, он знал лишь чай, привезенный из Китая.
 77. *dmigs gsal gyi gnang ba brgya dgos na stong yod*.
 78. «Шраваки, которые едят мясо, не мои ученики, а я не их учитель. В будущем, во времена упадка, те, кем овладеют демоны, скажут что я, их учитель, позволил есть мясо».
 79. Другими словами, учение лишь показывает, как накопленная плохая карма может быть очищена. Оно не является искусным средством, позволяющим продолжать потворствовать своим дурным поступкам.

80. *gya za lar*.
81. Для денежной поддержки религиозных церемоний. См. *A History of Modern Tibet*.
82. Видение бесконечной чистоты — одно из высочайших свершений в Тантре.
83. Вероятнее всего, Атиша и Дромтонпа.

ГЛОССАРИЙ

Ангулимала-сутра, *soṅ phreng can gyi mdo*

Сутра Махаяны, принадлежащая к третьему повороту Колеса Дхармы. В ней детально излагается учение о татхагатагарбхе.

Арик Геше Джампел Гялцен Осэр, 'jam dpal rgyal mtshan 'od zer (1726–1803 гг.)

Важный ученый школы гелуг из монастыря Рагья, он даровал Шабкару монашеские обеты в 1801 г.

Арья, 'rṅag pa

Букв. «превосходный», «возвышенный», «благородный». Тот, кто вышел за пределы сансарного бытия. Существует четыре вида возвышенных существ: архаты, пратьекабудды, бодхисаттвы и будды.

Атиша, jo bo gje (982–1054 гг.)

Также известен как Дипамкарашриджняна, настоятель монастырского университета Викрамашила в Индии. Его визит в Тибет в 1042 г. по приглашению царя-ламы Еше О послужил главным вдохновением для возрождения буддизма после периода гонений при царе Лангдарме. Атиша распространял учения о воспитании ума (*лочжонг*), которые он получил от своего учителя Суварнадвипы Дхармакирти, и которые сочетают в себе два потока учений о бодхичитте, пришедшие от Нагарджуны и Асанги. Также он был тантрийским мастером. Его главным

тибетским учеником и преемником был упасака Дромтон ('brom ston), основатель школы кадампа. Атиша прожил в Тибете двенадцать лет и умер в Нетанге в 1054 г.

Видья-мантра, rig sngags

Обычно говорится, что мантры бывают трех видов: видья-мантры, дхарани-мантры и тайные мантры. Эти категории относятся, соответственно, к искусным методам сострадания, мудрости сострадания и их недвойственному союзу.

Вималамитра, dri med bshes gnyen

Один из величайших наставников и ученых индийского буддизма. В девятом веке прибыл в Тибет, где давал учения и перевел многочисленные санскритские тексты. Вместе с Гуру Падмасамбхавой он был одним из главных источников [распространения] учений Дзогчен в Тибете.

Вималапракша, dus 'khor 'grel chen dri med 'od

Весьма обширный комментарий на *Калачакра-тантру* и основной текст-источник всей системы Калачакры. Был составлен Калки Пундарикой, одним из дхармараджей Шамбалы, и до сих пор существует на санскрите.

Виная, 'dul ba

Свод учений по этической дисциплине, преподанный Буддой.

Виная-сутра, 'du ba'i mdo rtsa

Комментарий на учения Винаи, составленный Гунапрабхой.

Гампопа (1079–1153 гг.)

Также известен как Дагпо Лхардже. Прежде чем стать монахом-кадампой, был врачом. В конце концов он повстречал своего коренного учителя, Миларэпу, чьим главным учеником ему суждено было стать, и от которого он получил передачу шести йог Наропы. Объединив монашеский и йогический пути, Гампопа оказал решающее влияние на традицию кагью.

Ганачакра, tshogs kyi 'khor lo

Тантрийское пиршественное подношение, осуществляемое в рамках практики какой-либо садханы.

Гелугпа, dge lug pa

Одна из школ Новых переводов, основанная Дже Цонкапой (1357–1419 гг.). Ее главой является держатель трона монастыря Гандэн, а ее самый прославленный адепт — Его Святейшество Далай-лама.

Гоцангпа Нацок Рангдрол, rgod tshang pa sna tshogs rang grol (1608–???) гг.)

Также известен как Целе Нацок Рангдрол, был учеником знаменитого тэртонца Джацона Нингпо. Достигший высоких свершений гомчен и выдающийся ученый как школы кагью, так и нингма; получил имя Гоцангпа (живущий в гнезде грифа) из-за длительных затворничеств в горных пещерах и в отшельничествах великого учителя друкпа кагью Гоцанга Гонпо Дордже. Его [нравственная] дисциплина была безукоризненной, и говорят, что он в жизни не попробовал ни капли алкоголя.

Гунапрабха, yon tan 'od (IV век н. э.)

Ученик Васубандху, большой знаток Винаи, составитель знаменитой *Виная-сутры* ('dul ba'i mdo rtsa).

Гуру Ринпоче

Имя, под которым Гуру Падмасамбхава, Лотосорожденный, обычно известен в Тибете. Будда Шакьямуни предсказал его приход как распространителя учений Тайной Мантры. Приглашенный царем Трисонгом Дэуценом в восьмом веке в Тибет, он успешно и прочно укоренил там буддийские учения Сутры и Тантры.

Гялсэ Тогмэ, rgyal sras thog med (1295–1369 гг.)

Также известен как Тогмэ Сангпо (thogs med bzang po) и Нулчу Тогмэ (dngul chu thogs med). Выдающийся учитель школы сакья, настоятель Бодонга, прославляемый всеми школами за наставления о воспитании ума, автор «Тридцати семи практик бодхисаттвы» (rgyal sras lag len).

Дака, dra bo

Так в тантрах именуется бодхисаттва мужского облика, аналог дакини. Мирской дака — это существо, наделенное некими сверхъестественными силами, необязательно благотворными.

Дакини, mkha' 'gro ma

Мудрость, представленная в женском облике. Существуют разные виды дакини: полностью просветленные дакини мудрости и мирские дакини, которые обладают различными сверхъестественными силами, необязательно благотворными.

Джайны, gser bu pa

Букв. «нагие аскеты». Значительная индийская религиозная система, основанная в VI в. до н. э. Джайной (отсюда название джайна, или джайнизм), известным также как Вардхамана. Джайны, или джайнисты проповедуют чрезвычайно чистую этическую систему, частью которой является, например, крайняя степень *ахимсы*, или ненасилия.

Джамьянг Гямцо, 'jam dbyang rgya mtsho (17??–1800 гг.)

Один из коренных учителей Шабкара. Был мастером, достигшим высоких свершений, и обладал обширными познаниями как учений нингма, так и сарма; он наставлял Шабкара в воспитании ума и дал ему много посвящений из циклов сокровищ-тэрма школы нингма, в том числе *Лонгчен нингтик* видьядхары Джигмэ Лингпы.

Джигмэ Лингпа (1730–1798 гг.)

Одна из самых значительных фигур в линии нингма, воплощение учителя Вималамитры и дхармараджи Трисонг Дэуцена. Был близко связан с Гялва Лонгченпой, встречался с ним в ряде важных видений. Его сокровище Дхармы, *Лонгчен нингтик*, по сей день остается одной из самых значительных и широко практикуемых систем медитации в школе нингма.

Джнянаваджра, ye shes rdo gje

Индийский наставник, автор *Татхагата-хридаяламкары* (de bzhin gshegs pa'i snying po rgyan), входящего в собрание Тэнгюр комментария на *Ланкаватара-сутру*.

Джнянашрибhadра, ye shes dpal bzang po

Индийский наставник, автор *Арья-ланкаватара-вритти*, входящего в собрание Тэнгюр комментария на *Ланкаватара-сутру*.

Дипамкара, Будда

Будда, приходивший в давние времена. При его жизни аскет Сумедха, который много калп спустя переродился как Будда Шакьямуни, зародил решимость достичь просветления.

Дрикунг Кёбпа, 'bri gung skyob pa (1143–1217 гг.)

Основатель монастыря Дрикунг и школы дрикунг кагью.

Дромтон, 'brom ston (1004–1064 гг.)

Знаменитый ученик Атиши, мирянин. Построил монастырь Реддинг (gwa greng), который стал центром традиции кадампа.

Друкпа Кунле, 'brug pa kun legs (1455–1529 гг.)

Учитель-сиддха и поэт школы друкпа кагью, который вел образ жизни «безумного йогина». Прославился песнями постижения и эксцентричными плутовскими похождениями.

Дхармадхату, chos kyī dbyings

Пространство абсолютной реальности.

Дэвадатга, lhas byin

Двоюродный брат Будды Шакьямуни, чья чрезмерная зависть не позволила ему получить какую-либо пользу от учений Будды.

Еше О, lha bla ma ye shes 'od

Царь Тибета из династии Чогял. Он принял правление Нгари, Западным Тибетом, под именем Ценпо Коре. Позже отрекся от престола, чтобы стать монахом, и впоследствии был известен как лха-лама Еше О. С целью возрождения буддизма в стране он отправил группу из двадцати одного юноши в Кашмир изучать санскрит и учения. Именно в качестве ответа на его щедрые подношения Атиша принял приглашение приехать в Тибет.

Кадампа, bka' gdams pa

Школа, основанная Дромтоном, которого вдохновил на это его учитель Атиша. Большое значение в ней придавалось учениям об упражнении ума в бодхичитте и о чистом соблюдении этической дисциплины. Оказала решающее влияние на всю тибетскую традицию.

Кагьюпа, bka' bgyud pa

Одна из школ Новых переводов тибетского буддизма, основанная Марпой-лоцавой (1012–1099 гг.). Эта школа впоследствии разделилась на множество подшкол, самыми известными из которых являются карма (или дагпо) кагью, дрикунг кагью, друкпа кагью и шангпа кагью.

Калачакра-тантра, dus 'khor gyi rgyud

Тантра, переданная историческим Буддой Шакьямуни Чандрабхадре (zla ba bzang po), царю Шамбалы, который был эманацией бодхисаттвы Ваджрапани. Принадлежит к классу недвойственных ануттара-тантр и представляет собой полный путь к просветлению, а также детально разработанную космологическую систему.

Камалашила (713–763 гг.)

Главный ученик Шантаракшиты и, как и его наставник, сторонник школы йогачара-мадхьямака. Был приглашен в Тибет, где победил в дебатах китайского учителя Хошана Махаяну, тем самым утвердив индийскую традицию постепенного подхода как норму для тибетского буддизма.

Кангюр, bka' 'gyur

Каноническое собрание сутр и тантр, переведенных на тибетский язык.

Катьяяна

Ученик Будды Шакьямуни. Достиг состояния архата и посвятил себя написанию части учений Абхидхармы.

Кедруб Дже, mkhas grub rje dge legs dpal bzang (1385–1438 гг.)

Один из двух самых важных учеников (другим был Гяцаб Дже) Дже Цонкапы, основателя школы гелуг.

Кришнапа, slob dpon nag po (XI век)

Индийский мастер и учитель Атиши.

Ланкаватара-сутра, lang kar gshegs pa'i mdo

Махаянская сутра третьего поворота Колеса Дхармы, которая относится, по мнению Гялва Лонгченпы, Кармапы Ранчунга

Дордже, Конгтрула Лодро Тае и других, к учениям окончательного смысла. Чандракирти относил эту сутру к относительному смыслу, опираясь на учения *Аксяяматинирдеша-сутры*, в которой, однако, не упоминаются и не берутся в расчет три поворота колеса Дхармы. Замечательные рассуждения на эту тему содержатся в книге Susan K. Hookham, *The Buddha within: Tathagatagarbha Doctrine According to the Shentong Interpretation of the Ratnagotravibhaga* (Albany: State University of New York Press, 1991).

Лонгченпа, klong chen rab 'byams

Почитается как величайший гений традиции нингма, несравненный учитель и автор более чем двухсот пятидесяти сочинений.

Махапаринирвана-сутра, mya ngan las 'das pa chen po'i mdo

Махаянская сутра окончательного смысла, относящаяся к третьему повороту Колеса Дхармы и раскрывающая учение о татхагатагарбхе.

Материалисты или чарваки, ggyang 'phen pa

Название древнеиндийской философской школы, проповедовавшей материалистический терминализм. Чарваки отрицали закон кармы и существование прошлых и будущих жизней.

Миларэпа, mi la ras pa (1040–1123 гг.)

Один из величайших йогинов и поэтов Тибета. Он был одним из самых выдающихся учеников Марпы-лоцавы, основателя линии кагью.

Нагарджуна, klu grub

Великий наставник Махаяны, живший во втором столетии, основоположник мадхьямаки — системы мысли, тесно связанной с сутрами Праджняпарамиты.

Нингма или школа Древних переводов, gnying ma

Исконная традиция тибетского буддизма. Ее приверженцы изучают и практикуют тантры и связанные с ними учения, переведенные в период между знакомством Тибета с Дхармой Будды в восьмом столетии и периодом Новых переводов, начатым Ринченем Сангпо (958–1051 гг.) после гонений Лангдармы.

Няла Пэма Дудул, nyag bla pad ma bdud 'dul (1816–1872 гг.)

Выдающийся мастер из Няронга, Восточный Тибет, который обрел радужное тело.

Пагмо Друпа, phag mo gru pa rdo rje rgyal po (1110–1170 гг.)

Ученик Гампопы и основатель традиции *пагдру* школы кагью. Многие из его учеников достигли высоких свершений.

Патрул Ринпоче, dpal sprul o rgyan 'jigs med chos kyi dbang po (1808–1887 гг.)

Достигший высоких свершений мастер традиции нингма из Восточного Тибета; автор многочисленных работ, одна из наиболее известных — «Слова моего всеблагородного учителя» (*kun bzang bla ma'i zhal lung*). Он славился несектантским подходом и был известен своим состраданием и исключительно простым образом жизни.

Пратимокша, so sor thar pa

Букв. «личное освобождение». Этот термин используется для указания на восемь типов буддийских духовных санов (как монашеских, так и мирских), а также связанных с ними обетов и заповедей (включая временный обет упавасы, принимаемый на сутки).

Пратьекабудда, gang sangs rgyas

«Будда для себя», тот, кто, не полагаясь на учителя, достиг прекращения страданий с помощью медитации о двенадцати звеньях цепи взаимозависимого возникновения. Пратьекабудды постигают отсутствие «я» личности и наполовину постигают отсутствие «я» явлений. Другими словами, они постигают отсутствие «я» у воспринимаемых явлений, но не у воспринимающего ума.

Ракшасы, srin po

Класс опасных существ, не-людей, питающихся плотью, встречающихся в индуистской и буддийской мифологии.

Рединг Тричен, gwa greng khri chen blo bzang ye shes bstan pa rab rgyas (1759–1816 гг.)

Второй держатель трона и настоятель монастыря Рединг, основанного великим учеником Атиши Дромтонпой.

Сакьяпа, sa skya pa

Одна из школ Новых переводов тибетского буддизма, основанная Кон Кончог Гялпо и связанная с великим монастырем Сакья. Ламы линии сакья некоторое время были правителями Тибета.

Сарма, gsar ma

Школы Новых переводов тибетского буддизма (а именно кагью, сакья, гелуг), основанные после периода гонений Лангдармы.

Таклунг Тангпа, stag lung thang pa bkra shis dpal (1142–1210 гг.)

Ученик Пагмо Друпы и основатель школы таклунг кагью. Был известен тем, что обрел постижение Махамудры благодаря преданности.

Таранатха Кунга Нингпо (1575–1635 гг.)

Знаменитый ученый и самый выдающийся мастер традиции Джонанг. Один из ведущих сторонников воззрения «пустоты-от-другого» (gzhan stong).

Татхагата, de bzhin gshegs pa

Букв. «так ушедший», эпитет будды или состояния будды.

Татхагатагарбха, de bzhin gshegs pa'i snying po

Сущность состояния будды, светоносная и пустая природа ума, которая присутствует, хотя и скрыта, во всех существах. Когда завесы омрачений устранены и она раскрыта, это и есть татхагата, или состояние будды.

Тэнгюр, bstan 'gyur

Каноническое собрание индийских комментариев на буддийские священные тексты, переведенное на тибетский язык.

Упаваса, bsnyen gnas

Суточный обет пратимокши, состоящий из девяти предписаний, который принимается мирянами.

Цонкапа, tsong kha pa

Также известен как Лосанг Дракпа и Дже Ринпоче, основатель школы гелуг. Основал монастырь Гандэн в 1410 г. Великий ученый, почитаемый как воплощение Манджушри.

Чангкья Ролпэ Дордже, lchang skya rol pa'i rdo rje (1717–1786 гг.)

Выдающийся ученый и плодовитый писатель школы гелуг. Обладал тесными связями с Монголией и Китаем, руководил переводом Кангюра на маньчжурский диалект и переводом Тэнгюра на монгольский с последующим его редактированием. Он написал знаменитое энциклопедическое описание буддийских учений «Представление доктрин» (grub mtha'i nam par bzhaḡ pa).

Чогял Наки Вангпо, chos rgyal ngag gi dbang po (1759–1807 гг.)

Также известен как Наванг Дарге; монгольский правитель, живший в области Синее озеро (Коконор), прославленный нингмапинский учитель, ученик первого Додрубчена Ринпоче.

Шикшасамуччая, bsblabs pa kun las btus pa

Антология текстов, взятых из важных махаянских сутр, составленная Шантидэвой.

Шравака, nyan thos

Тот, кто слушает учения Будды, практикует их и передает другим с целью личного освобождения от сансары. Шраваки практикуют коренную колесницу, или Хинаяну, которую поэтому часто называют Шравакаейной.

БИБЛИОГРАФИЯ

Changchub, Gyalwa, and Namkhai Nyinpo. *Lady of the Lotus-Born: The Life and Enlightenment of Yeshe Tsogyal*. — Translated by the Padmakara Translation Group. — Boston: Shambhala Publications, 1999.

Dalai Lama. *The World of Tibetan Buddhism: An Overview of Its Philosophy and Practice*. — Boston: Wisdom Publications, 1995. <На русском языке: Далай-лама. Мир тибетского буддизма: обзор его философии и практики. — СПб.: Нартанг, 1996, 2002>.

Goldstein, Melvyn C. *A History of Modern Tibet: The Decline of the Lamaist State*. — Berkeley: University of California Press, 1989.

Kapleau, Philip. *To Cherish All Life*. — Rochester, N.Y.: The Zen Center, 1986. <На русском языке: Роси Филип Капло. Диета милосердия. — М.: Открытый мир, 2005>.

Longchen Yeshe Dorje, Kangyur Rinpoche. *Treasury of Precious Qualities*. — Translated by the Padmakara Translation Group. — Boston: Shambhala Publications, 2001.

Page, Tony. *Buddhism and Animals*. — London: UKAVIS Publications, 1999.

Patrul Rinpoche. *The Words of My Perfect Teacher*. Translated by the Padmakara Translation Group. — Boston: Shambhala Publications, 1998. <На русском языке: Патрул Ринпоче. Слова моего всеблагородного учителя. — СПб.: Уддияна, 2004>.

Ricard, Matthieu. *The Collected Writings of Shabkar Tsogdruk Rangdrol* (1781–1851). — New Delhi: Shechen Publications, 2003.

Shabkar, Tsogdruk Rangdrol. *The Collected Works of Shabkar Tsogdruk Rangdrol. Vol. 1 (Ka), The King of Wish-Granting Jewels, the Autobiography of Shabkar Tsogdruk Rangdrol (snyigs dus 'gro ba yongs kyi skyabs mgon zhabs dkar rdo rje 'chang chen po'i rnam par thar pa rgyas par bshad pa skal bzang gdul bya thar 'dod rnam ky'i re ba skongs ba'i yid bzhin gyi nor bu bsam 'phel dbang gi rgyal po)*. — New Delhi: Shechen Publications, 2003.

Shabkar, Tsogdruk Rangdrol. *The Collected Works of Shabkar Tsogdruk Rangdrol. Vol. 7 (Ja), The Emanated Scripture of Compassion (snying rje sprul pa'i glegs bam)*. — New Delhi: Shechen Publications, 2003.

Shabkar, Tsogdruk Rangdrol. *The Collected Works of Shabkar Tsogdruk Rangdrol. Vol. 8 (Nya), The Wondrous Emanated Scripture (rmaḍ byung sprul pa'i glegs bam)*. — New Delhi: Shechen Publications, 2003.

Shabkar, Tsogdruk Rangdrol. *The Collected Works of Shabkar Tsogdruk Rangdrol. Vol. 9 (Ta), The Emanated Scripture of Pure Vision (dag snang sprul pa'i glegs bam)*. — New Delhi: Shechen Publications, 2003.

Shabkar, Tsogdruk Rangdrol. *The Collected Works of Shabkar Tsogdruk Rangdrol. Vol. 10 (Tha), The Beneficial Sun (chos bshad gzhan phan nyi ma)*. — New Delhi: Shechen Publications, 2003.

Shabkar, Tsogdruk Rangdrol. *The Collected Works of Shabkar Tsogdruk Rangdrol. Vol. 12 (Na), The Nectar of Immortality (legs bshad bdud rtsi'i chu rgyun)*. — New Delhi: Shechen Publications, 2003.

Shabkar, Tsogdruk Rangdrol. *The Life of Shabkar: The Autobiography of a Tibetan Yogi*. Translated by Matthieu Ricard. — Ithaca, N.Y.: Snow Lion Publications, 2001.

Shantideva. *The Way of the Bodhisattva*. — Translated by the Padmakara Translation Group. — Boston: Shambhala Publications, 1997.
 <На русском языке: Шантидэва. Путь Бодхисаттвы. — СПб.: Фонд «Карма Йеше Палдрон» — Культурный центр «Уддияна», 2000>

Singer, Peter. *Animal Liberation*. — New York: Ecco Press, 2001.

Smith, E. Gene. *Among Tibetan Texts: History and Literature of the Himalayan Plateau*. — Boston: Wisdom Publications, 2001.

Thondup, Tulku. *Masters of Meditation and Miracles: Lives of the Great Buddhist Masters of India and Tibet*. — Boston: Shambhala Publications, 1996.

Tsariwa, Rapsel. *The Remedy for a Cold Heart*. — Chamrajnagar, India: Dzogchen Shri Singha Charitable Society, 2002.

Шабкар Цогдрук Рангдрол

ПИЩА БОДХИСАТТВ

БУДДИЙСКИЕ УЧЕНИЯ ОБ ОТКАЗЕ ОТ МЯСА

Подготовка оригинал-макета: Н. Кашинова

Технический редактор К. Шилов

Корректор А. Арефьев

Отпечатано с готовых диапозитивов

в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие «Искусство России»»
198099, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, д. 38, корп. 2

Подписано в печать 20.03.2008 г. Формат 60x90 1/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 9.

Тираж 1500 экз. Заказ № 344.

Эта книга, основанная на учениях Будды, будет полезна всем, кто по соображениям морали или духовности интересуется вегетарианством. Будда учит анализировать и преобразовать наши разрушительные привычки — и делать это постепенно, изнутри. Цель — не в подавлении пристрастия к мясу и другим продуктам животного происхождения, а в развитии сердечного сострадания к животным и истинного понимания их страданий, вследствие чего желание использовать их и питаться ими исчезнет само собой.

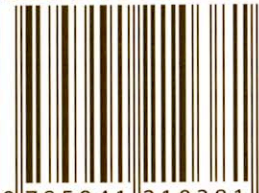
В данной книге представлены два буддийских текста. Первый — отрывок из «Книги чудес» Шабкара, состоящий из цитат из буддийских сутр и шастр и учений мастеров тибетского буддизма, критикующих употребление мяса, с комментариями Шабкара. Второй — «Нектар бессмертия» — размышления самого Шабкара о важности развития сострадания к животным.

Шабкар Цогдрук Рангдрол (1781–1851 гг.) — широко известный практик и наставник как традиции Воспитания ума (*лочжонг*), так и Великого совершенства (*дзогчен*) тибетского буддизма. Свободолюбивый по природе, он предпочел быть отшельником и странником, без дома и собственности, обитая вдали от мирской жизни, светских и религиозных институтов. Шабкар оставил после себя многие тома учений, среди которых — популярная автобиография. Он знаменит своим чутким отношением к животным.

Изображение Шабкара на лицевой стороне обложки выполнено Чогилом Ринпоче.

Публикуется с разрешения переводческой группы «Падмакара» и Маттьё Рикара.

ISBN 978-5-94121-038-1

9 785941 210381